Т.А. СМИРНОВА-МАКШЕЕВА

С.П.Б. Екатерининский Институт

ВОСПОМИНАНИЯ 1900-1909 гг.

Т.А.СМИРНОВА-МАКШЕЕВА

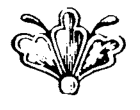

Т.Смирнова-Макшеева в институтской форме выпуска 1907-го года.

Т.А. СМИРНОВА-МАКШЕЕВА

С.П.Б. Екатерининский Институт

ВОСПОМИНАНИЯ 1900-1909 гг.

ПАРИЖ
1982

Тираж 250 экземпляров
из них 25 нумерованных

Склад издания: M. René Guerra
37, rue du Fort. 92130 Issy-les-Moulineaux
FRANCE

СПБ. ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ИНСТИТУТ

Спб. Екатерининский Институт был основан в 1798 году, Е.И.В. Марией Федоровной, Августейшей Супругой Императора Павла I.

Его официальное название было "Училище Ордена Св. Екатерины", в честь 1-го в России женского Ордена, учрежденного при Петре I.

Живущие в эмиграции б. воспитанницы этого Института, вероятно, не забыли, как торжественно, 24 ноября стар. ст. праздновался наш Храмовой Праздник.

Воскресим же в памяти и тех, которые вели наш Институт, заботились о нас, занимались нашим воспитанием и образованием, оберегали нас, служили нам.

Вспомним о них с любовью и благодарностью.

Эта глава касается начала нашего века, т.е. с 1900 по 1909 гг. В Институте тогда было свыше 400 воспитанниц, – своекоштных и учащихся на казенный счет, среди которых было несколько учащихся на личный счет Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны (Матери Императора Николая II).*

Здание Института было дворцом, пожертвованным одним из графов Шереметьевых. Окна и главный подъезд выходили на Фонтанку**, из них были видны конные статуи Аничкова моста. Другая сторона Института выходила в наш обширный сад, тянувшийся вдоль Литейного проспекта.

---

* В их числе была Татьяна Макшеева, автор этих воспоминаний.
** Адрес Института – Фонтанка, 36.

Кроме воспитанниц, в Институте жили: наш служебный персонал, то есть: Начальница, две Инспектрисы, 28 классных дам, дежуривших через день (одна говорила с нами по-французски, другая – по-немецки), Инспектор (Николай Сергеевич Карцев), Священник и дьякон, исполнявшие службы в нашей красивой домашней церкви; 4 фельдшерицы и женщина-врач; эконом и экономка и большой штат женской и мужской прислуги. Перечисленные лица получали жалованье от Мариинского Ведомства, многие были семейные, занимали в Институте квартиры, имели отдельные комнаты, или общие помещения.

До 1907 года Начальницей была Мария Николаевна фон-Бюнтинг. После ее кончины место заняла Елена Михайловна Ершова, остававшаяся в своей должности до революции. Старшей инспектрисой была княгиня Гагарина, младшей – Юлия Федоровна Гунделлях, она сменила кн. Гагарину, ушедшую по болезни, но к 1907 году была назначена Начальницей Екатерининского Института в Москве.

Начальницы нашего Института были кавалерственными дамами, награжденными Орденом Св. Вел. Екатерины, т.е. – изображением Святой, окруженное бриллиантами, на Екатерининской ленте. Начальница надевала его в торжественных случаях – 14-го ноября (день рождения Вдовствующей Императрицы), 6-го декабря, 24-го ноября и при выпуске воспитанниц. При ордене полагалась алая с белой каймой лента через плечо.

Кроме живших в Институте, были служащие приходящие: учителя и учительницы по наукам нашей программы, профессора специально для педагогичек; доктор, зубной врач, также руководящие или обучающие нас гимнастике, физкультуре, танцам, пению, музыке, рукоделиям.

Были среди них кроме русских, также французы и француженки, немки и немцы и одна англичанка – ее язык не был обязательным, желающие брали уроки за отдельную плату.

Наши учительница и учитель танцев (Аистов) были из балета Мариинского театра; учительницы музыки – все консерваторки; ими руководил профессор Константин Константинович фон-Бах, он же отделывал наши концертные выступления духовные и

светские. Иногда приглашался для управления церковным хором знаменитый Архангельский.

Как и в каждом Институте, были у нас свои Почетные Опекуны, безвозмездно несшие свои обязанности и тратившие для Института свои личные средства. Самый пожилой из них – граф Протасов-Бахметьев, умер когда я только что поступила в Институт (1900 г.). Нас, по классам, водили поклониться его праху. Помню гроб на подставке, покрытый знаменем и множество венков; камер-пажей, несших почетный караул и шеренги учащихся казенных заведений Мариинского Ведомства.

У нас в Институте соблюдался безупречный порядок, исключительная чистота и был вполне хороший, даже вкусный стол.

Вспоминаю один забавный случай. Мы были тогда уже в 1-ом старшем классе, что не мешало нам быть легковерными и шаловливыми. И вот случилось нечто, чуть не кончившееся сердечным припадком нашей милейшей немецкой классной дамы фрейлейн Берг. Пронесся слух, что нас навестит Императрица Александра Федоровна; мы стали готовиться достойно встретить высокую гостью, разучивали хоровые партии, упражнялись в придворных реверансах, в чтении стихов, игре на рояле и так далее.

У нас при дортуаре служила горничная Настя, преданная нам душой и сердцем. Она тайком исполняла наши поручения, приносила заказанные ей в складчину лакомства, или покупала запрещенные книжечки Пинкертона. Мы охотно разговаривали с ней.

У двух из наших подруг стали падать волосы; кто-то посоветовал втирать в кожу на голове спирт, но было предупреждено, что от него седеют волосы. Об этом мы вели разговор, перечесываясь в дортуаре во время переменки между уроками. Настя слушала и высказала свое мнение: "Коли от чистого спирта волосы седеют, то можно его заменить водкой, в ней спирта всего 40%".

Накануне ожидаемого приезда Государыни Почетный Опекун барон Гюне решил сделать генеральную инспекцию Института, включая и дортуары. Настала наша очередь.

Две дежурные (в их числе была я), во главе с Лидией Федоровной Берг, повели его в наш дортуар, где в чинном порядке стояли наши кровати, столики и табуретки. В углу – большая икона Божией Матери, перед ней – всегда зажженная лампада. С потолка спускались две лампы под зеленым абажуром. После дортуара пошли показывать умывальную; начищенный медный желоб и краны сверкали как золото; на вешалке у стены висели под номерами наши полотенца. ”Все остальное для туалета находится здесь”, заявила я, распахивая дверцы большого шкапа. На полках там стояли кружечки с нашими зубными щетками, лежали мыло, губки, зубной порошок, а между ними – несколько ”мерзавчиков”!* Лицо барона вдруг изменилось, он отступил от шкапа и произнес – более чем удивленно: ”Эт-то что такое?”

Фрейлейн Берг остолбенела; ее щеки покрылись белыми и красными пятнами. ”Мейн Готт”, пролепетала она, ”откуда эта... гадость?”

– Это не гадость, а средство для ращения волос, предупреждающее также их выпадение. Мы втираем в кожу, – я показала пальцем на голову.

Барон, еле сдерживая улыбку, возразил: ”Не сомневаюсь, что вы ”это” употребляете для волос, но прошу перелить в другие флакончики”. Он тотчас вышел, прижимая к губам носовой платок, очевидно еле сдерживая смех.

Вернувшись в класс, мы вынесли бурю негодования от фрейлейн Берг – она даже расплакалась. Мы молча слушали, Настю не выдали (”кто принес вам водку? Откуда она? Как появилась в Институте?”). Злополучные мерзавчики выкинули, а водку перелили в бутылочки от одеколона.

Так закончился этот трагикомический инцидент.

При Институте были Педагогические курсы, только для лучших учениц, желающих остаться, после выпуска, на два лишних года. По старой традиции, педагогичек было принято называть ”пепиньерками”. Они, по надобности, заменяли классных дам, дежуря в младших классах; давали пробные уроки в 7-ом, 6-ом

---

* ”Мерзавчиками” называли самые маленькие бутылочки казенной водки.

и 5-ом классах; пользовались сравнительной свободой. По субботам их отпускали домой; получали карманные деньги (от казны). Было у них свое отдельное уютное помещение: большой класс, библиотека, гостиная, где отдыхая читали, рукодельничали, играли на рояли. Три раза в неделю приходила для практики языка француженка (мадам Фребелиус); ее усаживали в кресло в гостиной, вели с ней беседы или слушали ее чтение французских классиков. Иногда педагогички устраивали чай, приглашая свою классную даму (на младшем и старшем курсе были кл. дамы сестры Юреневы), также своих институтских классных дам, начальницу и инспектора.

За этими чаями, с угощением, приготовленным молодыми хозяйками, велись дружеские "не казенные" беседы, затрагивались вопросы по истории или литературе, говорили о пьесах, шедших в Спб. театрах, обсуждались институтские события. Была у пепиньерок своя крошечная кухня и подобие столовой на крытой веранде, где они по утрам или днем пили, сами приготовляя, кофе или чай.

Педагогички имели право выбирать себе желаемую специальность: французский или немецкий языки, физику, математику, русскую словесность и т.п. К ним приглашались профессора по специальности, преподававшие на Высших женских курсах. Из них запомнился мосье Блан, интересно преподававший сравнительное языковедение и, особенно, Г. Витберг (русская литература). Он был стар, болезненный, очень некрасив, но лекции его были до того увлекательны, что мы слушали их затаив дыхание, не пропуская ни одного слова. Говорил он (по болезни) очень тихо; надо было напрягать слух. Мы записывали за ним, после обсуждали его лекции, всегда находя в них что-то новое, неожиданное, оригинальное. Он иногда доставал нам билеты на публичные лекции знаменитого Кони, с которым был в большой дружбе.

Хотелось бы перечислить всех лиц, занимавших разные должности в нашем Институте, но это невозможно. Отмечу лишь не-

которых, навеки оставшихся в памяти. Ближе всех были нам наши классные дамы. В младшем, 7-ом, их было бессменно две*. После окончания 1-го учебного года, девочки переходили в 6-ой класс, где было два отделения: нормальное и параллельное; ими руководили четыре классных дамы и иногда вели до выпуска.

Классными дамами в моем классе были: милейшая, очень культурная, строгая, но педантично-справедливая Елена Михайловна Нечаева и немка – Лидия Федоровна Берг, добрая и мягкая в обращении, чем мы, к сожалению, злоупотребляли, особенно в средних классах, будучи непокорными подростками. Е.М. Нечаева служила в Институте около 30 лет до самой революции. Мне пришлось с ней встретиться в беженстве, в Ницце, где ее приютила одна их ее бывших воспитанниц. Елена Михайловна управляла ее виллой и скончалась на ее руках.

Хорошо помню некоторых наших учителей.

Как ни странно, но общим любимцем был преподаватель математики – Волков. Весь Институт звал его "дедушкой", – может быть, прозвище было дано благодаря его седой бороде, выглядел он моложаво. Уроки его были всегда веселые, часто раздавался дружный смех учениц. Однако все, чему он обучал, легко осваивалось, запоминалось назубок, а экзамены по математике проходили при почти сплошных 12 баллах. У него был несомненный талант для преподавания геометрии, алгебры, тригонометрии; мы у него буквально все понимали и решали сравнительно сложные задачи.

Случайно мы узнали, что у "дедушки" было два кота: Захар и Козерог. Однажды, на обычный вопрос об их здоровьи, Волков заявил, с печальной миной, что "Козерог простудился и кашляет. Я водил его к ветеринару, тот дал лекарство и велел держать в тепле".

После урока мы обступили фрейлейн Берг и попросили, на хранящиеся у нее наши карманные деньги, купить несколько мотков голубой шерсти. Из нее быстро связали прелестное одеяльце и на одном из ближайших уроков преподнесли "дедушке" для Козерога. Он сконфуженно принял подарок и, по-видимому-был растроган.

*. Капитолина Алексеевна Антоновская и пожилая немка фрау Баумгартен.

Любили мы Яковлева, учителя истории, женатого на нашей бывшей институтке. Преподавал отлично; его уроки были интересны, содержательны и живы.

Уважением и авторитетом пользовался учитель немецкого языка – Федор Федорович Фидлер. Он отлично переводил стихами поэмы Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, стихотворения Надсона, Апухтина. Всегда декламировал на наших литературных вечерах; отличал учениц, которые хорошо читали и запоминали стихи, был романтик, начитанный и культурный.

Француз – мосье Боннавиа – нами всерьез не принимался. За ним (по институтскому жаргону) "бегали", "ловили" его в коридорах, при чем он сильно конфузился; задавали ему коварные вопросы, рисовали на него карикатуры, передразнивали его. Это не мешало нам хорошо у него учиться и быть внимательными за его уроками: на французский язык в Институте обращалось большое внимание – что нам впоследствии очень пригодилось.

Федор Александрович Мушников, преподаватель русской словесности, пользовался нашей симпатией; уважали его ум, да и тема его уроков, сама по себе, была интересной. Мы охотно писали заданные им сочинения, – из которых лучшие он читал вслух, поощряя наши наклонности к писательству. Благодаря ему, мы стали издавать собственный сборник (конечно, "кустарным способом"), где помещали свои рассказы, стихи, заметки, институтские остроты и анекдоты, также излагали выдающиеся события; все сопровождалось собственными иллюстрациями и карикатурами.

Критика наших сочинений у Мушникова бывала подчас остроумной, иногда добродушно-насмешливой. Однажды он принес заданные нам сочинения на тему "Татьяна" (из "Евгения Онегина" Пушкина). Перелистав их, отложил одно в сторону и спросил: "Кто сможет объяснить, что "сие" означает? И прочел вслух: "Питая страсть к характеристике, я, как и сам Евгений Онегин, скажу в заключение, что Татьяна Пушкина была замечательный тип".

После нескольких секунд молчания, раздался дружный взрыв хохота, а все головы повернулись в сторону К. Ч-кой, заерзавшей на своей парте. Это была ученица, которую перетаскивали из класса в класс, умом не отличавшаяся, но любившая

употреблять "высокий стиль" с непонятными фразами. Мушников, как ни в чем не бывало, стал вызывать нас по алфавиту, возвращая листки с сочинениями.

Наша тогдашняя Начальница, Мария Николаевна фон Бюнтинг, занимала свою должность более 25-ти лет. Когда я поступила в Институт, воспитанницы звали ее "Maman", но когда мы были уже в старших классах, к нам проникли либеральные веяния. Случалось, что мы, здороваясь или отвечая на вопрос, демонстративно ясно говорили ей "Мадам".

Заметив это, она как-то зашла в наш класс и сказала маленькую речь, подчеркнув, что в Институтах, по старой традиции, Начальницу всегда было принято называть "Maman", но она вполне понимает, что заменить родную мать невозможно, что традиция устарела, поэтому "прошу вас впредь называть меня по имени-отчеству. Это не помешает мне любить вас по-прежнему, и заботиться, как о родных детях". В ее голосе послышались слезы. Мы слушали, опустив головы. Устыдились, поняли, как трудно заслуженной, пожилой женщине отрешиться от старого обычая, и, когда уходя она сказала нам: "Au revoir, mes enfants", мы, не сговариваясь, не задумываясь, всем классом ответили: "Au revoir, Maman", и звали ее так до самой ее смерти, последовавшей от болезни в 1907 году.

Последние месяцы она сильно хворала, редко появлялась в классах. Мы ее иногда видели за обедней, почти не встававшей со стула, или в столовой, в высокоторжественные дни; она приходила лишь к десерту и, с бокалом шампанского в руке, провозглашала заздравный тост. Подточенная болезнью, Мария Николаевна все же присутствовала на выпускных экзаменах, хотя это очень утомляло ее. В Царские дни она уже не ездила с нами в театр, уступая свое место воспитаннице 1-го класса, – в ложе рядом с Царской.

Во время болезни М.Н. фон Бюнтинг управление Институтом исполнялось инспектрисами: княгиней Гагариной и Аделью Федоровной Гунделлях. Когда, в 1908 году, она получила повышение, т.е. место Начальницы в Московском Екатерининском

Институте, ее у нас заменила одна из пожилых классных дам, госпожа Васильева.

Княгиня Гагарина была грозой Института. Появлялась в самый неожиданный момент, прерывая наши шалости.

После кончины М.Н. фон Бюнтинг (умерла во время наших летних каникул) к нам поступила Елена Михайловна Ершова, красивая, представительная и высококультурная дама. Она много делала для Института, вводя изменения и улучшения в современном духе. Было обращено больше внимания на наше физическое развитие, на доступный нам спорт, на врачебную и другую гимнастику, приобретено много, иногда роскошно изданных, книг для нашей библиотеки, усилено освещение в коридорах и дортуарах и так далее. Ее часто можно было видеть за любым уроком, она приходила в физическую залу во время опытов; в столовую; вечерами – в наши дортуары и часто в сад во время наших прогулок. Она почти ежедневно навещала педагогичек, звала их по именам, а не по фамилиям, запросто с ними беседовала.

Не сомневаюсь в том, что не только я – проведшая в стенах Института 9 лет, но и другие наши екатерининки, сохранили светлое воспоминание о нашей "Альма Матер".

В 1920 году поместили одно из моих стихотворений в газете "Россия". Я неожиданно получила на редакцию письмо от Елены Михайловны Ершовой, эмигрировавшей после революции и очутившеся в Париже. Она спрашивала, я ли Таня Макшеева, учившаяся в Екатерининском Институте?

Чрезвычайно обрадованная, я тотчас ответила ей; завязалась переписка, продолжавшаяся до самой ее смерти – около 2-х лет.

В одном из своих писем, Елена Михайловна сообщила мне подробности о последних днях нашего Института.

В начале революции было получено предупреждение от друзей, что большевики собираются ликвидировать ВСЕ женские Институты, на очереди – наш. По ленинско-марксистскому понятию, эти учреждения – "вредные, антинародные и буржуазные". Елена Михайловна описала, как все воспитанницы, классные дамы, начальство, служащие и прислуга Института собрались в актовом

зале. Там был отслужен молебен и пропета старшими воспитанницами наша "Прощальная Песнь"*, сочиненная Жуковским и переложенная на музыку Глинкой.

Все плакали; стали прощаться, предчувствуя, что никогда больше не вернутся в Институт, никогда, быть может, не увидят друг друга...

С помощью помощника швейцара Александра и сторожа Леонтия были вынуты из рам, писанные масляными красками, большие портреты Императриц: Марии Федоровны, основательницы Института, и Марии Федоровны, нашей Покровительницы. При полном молчании, их аккуратно скатали, запаковали и снесли на чердак с прочими институтскими реликвиями.

Вскоре после этого многие воспитанницы были взяты родителями домой; оставшиеся были эвакуированы впоследствии в Югославию, где их присоединили к одному из основанных там Институтов **.

Содержание письма я передаю по памяти, к сожалению оно затерялось во время моих неоднократных переездов.

Удалось мне также завязать переписку с нашим бывшим Почетным Опекуном, князем Дмитрием Петровичем Голицыным (получив его адрес от Елены Михайловны), – он тогда жил в Югославии. В одном из писем кн. Голицын прислал мне свое стихотворение с собственноручной подписью, – оно до сих пор сохранилось у меня, но бумага пожелтела. Строками из него заканчиваю эту главу.

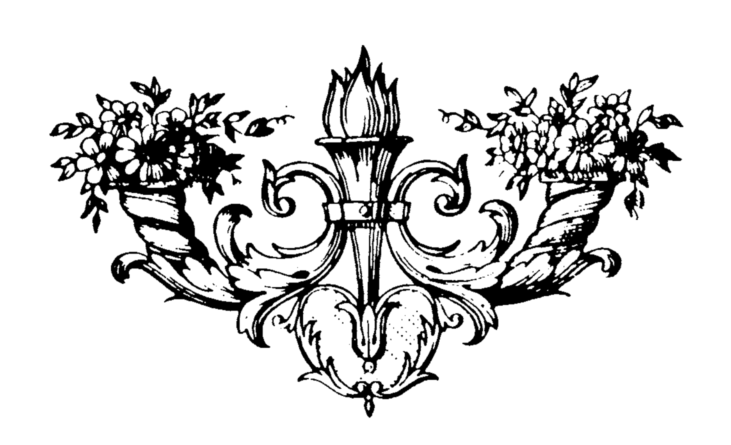
---

* "Прощальная Песнь" всегда исполнялась выпускными при прощании с Институтом, в день выпуска.

** Захватив здание Института, большевики там устроили общежитие для мальчиков и девочек. Много позже была там библиотека, а теперь, по слухам, помещаются "высокопоставленные" от партии.

Россия не умрет. Мы будем вновь сильны,
К грядущему опять пробьем себе дорогу,
и все — от палачей бежавшие сыны —
вернутся радостно к родимому порогу.
О, наша Родина! Мы знаем, ты жива,
хоть над тобой весь мир злорадно правит тризну...
Возстань! Произнеси великие слова,
верни своим сынам свободную отчизну.

Кн. Голицын-Муравлин

ВАРИАНТ

В С. Петербурге, на Фонтанке недалеко от Аничкова моста, находился бывший дворец графа Шереметьева, пожертвованный им Ведомству Императрицы Марии в конце XVIII века. Здание – в стиле ампир, с крытым парадным подъездом, зеркальными окнами двухсветного зала, выходило на набережную Фонтанки. В обшитой галунами и Российских гербах красной ливрее, швейцар встречал входивших в массивные двери.

Это было Училище Ордена Св. Екатерины, т.е. Екатерининский Институт. Основанный в начале царствования Павла I, он закончил свое блестящее существование после революции 1917 года.

По странному совпадению, последняя Покровительница и руководительница Института – вдова Императора Александра III, также звалась Марией Федоровной, как и учредительница его.

Императрица Мария Федоровна, основавшая в конце 18-го века Мариинское Ведомство, начала свою благотворительную деятельность с первых же дней царствования Павла Петровича, т.е. 12 ноября 1796 года, ровно через 6 дней после его восшествия на престол. Павел I поручил Супруге начальство над первым учебным женским заведением – Смольным Монастырем, основанным при Екатерине II.

Вступив в управление, Мария Федоровна пожертвовала на пособие этому заведению 15 000 рублей из своих личных средств, и привлекла к воспитательному делу членов Императорской фамилии. Из высочайших пожертвований образовался капитал, под наименованием "Кассетной Суммы". После Императрица обрати-

ла внимание на учение. При ее содействии в царствование Александра I был составлен и издан план воспитания и учения, порученный Комитету, в состав которого входили самые культурные и образованные люди того времени.

Число воспитательных заведений (в Москве и С. Петербурге), ко времени кончины Императрицы Марии Федоровны, дошло до 40. По ее же инициативе был учрежден Опекунский Совет.

Постоянно посещая основанные ею Училища, Императрица была известна под наименованием "Царицы-Маменьки". Когда она скончалась (в 1828 году), это было – по свидетельству современников – большим горем для опекаемых ею учебных и благотворительных заведений.

По материалам, трактующим об этой замечательной женщине, выяснено, что она доводила свою заботу о воспитанницах до того, что приезжала из Павловска в С. Петербург, чтобы навестить какую-нибудь больную девочку в том или ином Институте*.

Между основанными Императрицей Марией Федоровной, женскими воспитательными учреждениями первое место занимал Екатерининский Институт, предназначенный для девиц, которые по чинам своих отцов не могли быть приняты в Смольный. Официальное его название было "Училище Ордена Святой Екатерины", так как главную часть своих средств имел из сумм Ордена Св. Вел. Екатерины**.

План учения и воспитания был одинаков с принятым в Смольном, и поэтому, вскоре многие родители из потомственных дворян начали отдавать своих дочерей в Екатерининский. Таким образом, Смольный сохранил преимущество перед Екатерининским лишь по старшинству, будучи основанным в 1764 году Императрицей Екатериной II.

---

* Материал частью почерпнут из журнала "Современник", 1896 г. книга 2-ая.

** Первый Женский Орден в России, основанный Петром I в честь его Супруги, Екатерины I, в память избавления его из плена в Турции. Начальницы Екатерининского Института, при вступлении в свою должность, награждались Орденом Св. Екатерины, при звании Кавалерственной Дамы.

Второй Екатерининский Институт был основан в Москве в 1802 году. По образу этих двух Институтов учредили в 1817 году Дворянский Институт в Харькове. В 1807 году, по плану Екатерининского, в С. Петербурге был основан Павловский Институт, но с низшим отделением для дочерей сверхсрочных солдат.

Задолго до революции Екатерининский Институт был одним из привилегированных учебных заведений, стоявшим наравне со Смольным – женским, и с мужским – Пажеским Корпусом, где учились родные и двоюродные братья его воспитанниц. У них были даже общие преподаватели: Федор Федорович Фидлер (немецкая литература), Усков (география), Яковлев (история), Виллевальде (рисование), Аистов (танцы), профессор Константин Константинович фон-Бах (музыка и хоровое пение). Называю лишь тех, в коих я уверена.

В Екатерининском Институте чистота нравственная и внешняя были безукоризненны, и по тому времени давалось блестящее образование и воспитание.

Окончившие Институт, по желанию, лучшие ученицы, могли оставаться на два года учения сверх институтской программы, на бывших при Институте курсах педагогики, где могли избрать желаемую специальность – историю, математику, языки, литературу, естественные науки и т.д. К специалисткам приглашались профессора для преподавания избранного предмета; на этих лекциях могли присутствовать и не специалистки по данной отрасли науки.

В Институте была своя домашняя церковь с хорами и балконом. На хорах пели певчие от 1-го и 2-го классов. Они разучивали и исполняли духовные концерты Бортнянского, Архангельского, Гречанинова, Чайковского, Аренского.

24-го ноября ст. ст. в день Св. Екатерины – Храмовой Праздник Института – обедню и молебен неизменно служил Антоний, Митрополит С. Петербургский и Ладожский. Священником и настоятелем, а также преподавателем Закона Божия был отец Тихомиров.

Музыкальное образование стояло на высоте. Им заведовали профессор Константин Константинович фон-Бах и учительницы-консерваторки.

В нижнем полуподвальном этаже здания были так называемые "селлюли" – небольшие комнаты, где стоял рояль, шкапик для нот и два стула, там ежедневно упражнялись или брали уроки музыки.

Кормили в Институте вполне сносно. В будни утром давали чай с молоком, в фарфоровых стопочках с Российским Гербом, и французскую булку. Разрешалось иметь свое масло, ветчину, сыр, холодную птицу – это хранилось в леднике. В праздничные дни и четверг подавали кофе с молоком или шоколад и сладкие плюшки. Днем был обед из 3-х блюд: суп, мясо с гарниром и десерт. Малокровные, по предписанию доктора, получали в 16 часов так называемые "слабые" порции: мясо или яйцо, рыбу, ветчину. В классы в большую переменку в 10 ч. утра горничная приносила для желающих черный хлеб с солью.

Кухонное помещение занимало несколько комнат. Там все сверкало чистотой, начиная с блестящих медных кастрюль. Стояли всюду длинные мраморные столы.

Раз в неделю несколько очередных воспитанниц 1-го класса ходили с Инспектрисой осматривать провизию. С той же инспектрисой и с экономкой в столовой составляли меню на всю неделю.

В свободное время институтки много читали, получая книги из своей библиотеки. Младшие имели все издания "Золотой библиотеки" – Девриена, Вольфа, Маркса, Сытина, журналы и книги для юношества, авторов русских или переводных. Старшие читали классиков, исторические романы и другое, допущенное цензурой, состоящей из Педагогического Совета, составленного из Начальницы, учителей, учительниц, классных дам, инспектрис, инспектора и священника.

У пепиньерок была своя, очень хорошая библиотека. В ней имелись все роскошные современные издания, полный Энциклопедический словарь (Брокгауз и Эфрон), также прекрасные издания Шекспира, Байрона, Пушкина, Гоголя, Лермонтова – с ил-

люстрациями Зичи, Васнецова, Билибина, Соломко, Верещагина и др. русских и иностранных художников. Были все приложения к "Ниве" и разные иллюстрированные журналы – Живописная Россия, Природа и Люди, Столица и Усадьба и др.

При Институте имелось два лазарета – для обычных заболеваний и для заразных. Во главе стояла женщина-врач, под ее начальством находились фельдшерицы, штат горничных. Ежедневно приходил утром доктор. Раз в неделю имел свой прием дантист. В случае надобности вызывался специалист по любой болезни.

Было в Институте много прислуги мужской и женской. Главный над мужчинами считался так называемый "парадный" швейцар, живший со своей семьей в квартире у парадного входа. Затем – старики отставные солдаты Александр и Леонтий, командовавшие сторожами, ламповщиками, истопниками, полотерами.

Во главе женской прислуги была особа из мелких чиновниц, Амалия Егоровна, и старшая горничная Аннушка (Анна Васильевна), седая и величественная, выслужившая пенсию за 25 лет безупречной службы.

Горничные, называемые "девушками", поступали в Институт из казенных приютов и Воспитательных домов. Они разделялись на девушек коридорных, дортуарных, классных, лазаретных, бельевых. Одевались в особую форму: холщевое платье в белую с голубым полоску, белую пелеринку со стоячим крахмальным воротничком, рукавчики и белый передник.

При хозяйственной части состояли эконом (Завадовский), экономка, кухарки, судомойки, уборщицы и прачки. Весь этот штат с семьями и детьми – мужской персонал был большей частью женатый – помещался в здании Института, в его части, выходящей в сад или на Литейный проспект. Горничные жили при дортуарах воспитанниц или в большом помещении, находящемся рядом с баней и ванными комнатами.

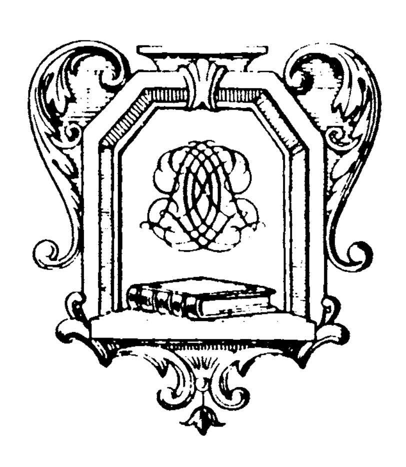
Кончая этот краткий очерк об Институте, где я воспитывалась в течение 9 лет, считаю долгом добавить, что на физическое развитие пансионерок в Институте обращалось большое внима-

ние; нам давали прекрасное воспитание и хорошо обучали наукам.

Отпускали домой три раза в год – на Рождественские и Пасхальные каникулы, по две недели, и летом на 2 с половиной месяца. Не имевшие родных или те, семьи которых жили слишком далеко – оставались в Институте. На Рождество и Пасху им делали подарки, развлекали, а летом возили на дачу под С. Петербургом.

После выпуска Институт продолжал заботиться о своих питомицах. Обучавшиеся на казенный счет при выпуске получали известную сумму, или полный комплект одежды – платьев, белья, все это изготовлялось и шилось воспитанницами старших классов за уроками рукоделия.

При содействии Института неимущие его воспитанницы получали уроки или места. Была также учреждена касса взаимопомощи для бывших институток.

КИСЕЙНЫЕ БАРЫШНИ

Так, в старой России прозвали нас те, кто не имели понятия об институтках, их воспитании и образовании. Судили поверхностно и пристрастно, не подозревая, что эти "кисейные барышни", подчиняясь строгой дисциплине, жили под суровым бдительным надзором.

Вот как проходил зимний будничный день в С. Петербургском Екатерининском Институте – привилегированном учебном заведении.

Раннее утро. Воспитанницы спят в дортуарах (приблизительно по 20 в каждом), на узких жестких кроватях, под грубой простыней и тонким шерстяным одеялом. Температура ниже 14-ти градусов.

Без четверти 7 звонок. Надо вставать. Ежась от холода, всовывают босые ноги в туфли, спешат в умывальную. Из медных кранов течет в жестяной желоб ледяная вода из Ладожского озера. Моются, обнаженные до пояса.

Одеваются: белье из домотканного полотна, бумазейная нижняя юбка, белые толстые нитяные чулки. Платья из твердого камлота с короткими рукавами, к ним привязываются полотняные рукавчики, сверх платья – передники и закрывающая декольте белая пелеринка, завязанная у шеи тесемкой. На ногах прюнелевые ботинки без каблуков. Прическа гладкая (по институтскому выражению "прилизанная"). Зеркал нигде не полагалось.

Утренняя молитва в актовом зале, куда собираются институтки, по классам, по росту, в сопровождении классной дамы, го-

ворящей с девицами по-французски, сменяющейся на другой день дамой, говорящей по-немецки.

После молитвы пьют в столовой чай с молоком и булкой с маслом. Сидят на деревянных скамейках за длинными столами. За порядком наблюдает классная дама. Посреди столовой следит за всеми дежурная инспектриса.

Уроки начинаются в 9. Классы тускло освещены, в окна вставлены матовые стекла. Рекреации (переменки) по 10 минут. Между 2-м и 3-м уроком горничная приносит ломти черного хлеба с солью.

Обед в 12 часов из 3-х блюд: суп, жаркое с гарниром и сладкое. До и после еды поют хором молитву. Сидят чинно, прямо, громких разговоров не полагается. Горничные разносят кушанья; за каждым столом дежурная воспитанница раскладывает порции.

С 13 до 14 часов – гулянье. В шубках, подбитых ватой, фетровых шапочках, в калошах, ходят в институтском саду, по мосткам, положенным на дорожки и вдоль аллей. Шагают в ногу, по парам, но тут рост не соблюдается, каждая идет со своей подругой. Сбоку "сторожит" классная дама.

С 14 до 17 часов – три урока; затем чай, и вот наступает желанный свободный час. Классная дама передает дежурной ключ от шкапика, где хранятся лакомства, приносимые родными в дни приемов. "Классюха" удалилась к себе в комнату – начинается веселье. Слышатся остроты, шутки, хохот; рисуют на черной доске карикатуры, сидят парочками или группами, лакомятся, конечно, угощают подруг, родные которых живут в далекой провинции и не могут навещать их; есть среди институток и круглые сироты... Быстро мелькает этот "свободный час". Возвращается классюха, с помощью дежурной наводит порядок.

Начинается приготовление уроков к следующему дню. Слышится мерное жужжание голосов; перелистывают страницы. Занимаются до ужина, подающегося в 19 часов. После вечерняя молитва, она читается дежурной в каждом классе; идут в дортуары. Перед сном умыванье ледяной водой. В 21 час – все в постелях. Лампа затягивается темным абажуром. Классная дама сидит на стуле, ожидая, когда заснут воспитанницы. При дортуарах в умывальной за ширмой спит горничная – так называемая "дортуарная девушка".

Программа ученья в Институтах была приблизительно как в Гимназиях, но больше, чем там, отводилось внимания языкам, немецкому и французскому. Английский не был обязательным, за него полагалась отдельная плата.

Обучались танцам, музыке, пению – это были так называемые "легкие уроки", раз в неделю также рукоделие, за которым классная дама читала вслух. Вечерами бывала гимнастика обыкновенная и врачебная.

Была в Институте своя баня. Институток мыли горничные, намыливая мочалки, поливая ушатами теплой воды. Имелась и ванная комната, но ею пользовался персонал Института или воспитанницы, выходившие из лазарета. Лазаретом заведовала женщина-врач, с помощью 4-х фельдшериц. Ежедневно был прием у доктора, раз в неделю приходил дантист. Смертей в Институте случалось мало; вывихов или поломов, на моей памяти (9 лет в стенах Института) ни одного не было. Дисциплина соблюдалась как в кадетских корпусах. Ничего "кисейного" или тепличного, в нашем воспитании не было.

Мы жили затворницами, пользуясь каникулами лишь на Рождество, Пасху и летом. Это имело положительную сторону: развивало и крепило дружбу. Были среди нас и богатые, и титулованные, но никакой разницы не чувствовалось. Вызывая на уроках воспитанницу, никогда не прибавляли к фамилии ее титул: в журнале они тоже стояли без титула. О семейном положении подруг мы узнавали только после выпуска. Институтки отличали своекашниц по их способностям и талантам. Над глупыми трунили, хвастунишек – осаживали. Стояли друг за друга горой, никого не "выдавали", не фискалили. Если бы такое случилось, сочли бы величайшим позором.

Иногда происходили "выходящие из ряда" шалости; обычно это бывали "пирушки" в дортуарах, когда собираясь группами, ели в складчину запрещенные халву и орехи, или там же устраивали концерты (на гребенках), пели, декламировали. Так как это происходило в неурочное время, когда полагалось спать, – то и соответственно наказывалось. В разгаре веселья, внезапно, как "дэус экс махина", появлалась в дортуаре инспектриса.

Она заставляла шалуний одеться и следовать за ней в нижний коридор 3-го этажа, где была ее квартира, у своей двери останавливала шествие, делала краткое внушение и приказывала: "Теперь идите обратно". После подобной прогулки девицы быстро поднимались в свой дортуар, раздевались, ложились и крепко спали до утра.

Возвращаясь к прозвищу "кисейные барышни", покаюсь, что отчасти и я была в этом виновата. Это случилось во время Рождественских или Пасхальных каникул. Моя старшая сестра училась на Высших Женских курсах; к ней заходили ее коллеги, а ко мне – моя закадычная подруга Тата Зеест*. Мы с ней всячески разыгрывали и изводили одну из курсисток, старавшуюся "развивать" нас, принося книги Чернышевского, Герцена и т.п., толковавшую нам о служении "народу". Одолженные книги мы читали, обсуждали, но, возвращая, невинно говорили: "Это не интересно. Мы предпочитаем сказки Андерсена". О приходе этой курсистки нам докладывала не любившая ее горничная: "Барышни, "стрижка" пришла". Когда она появлялась, мы затевали глу-

---

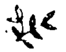
* Отец Таты, Андрей Андреевич Зеест, был в чине Полковника. Служил при Конюшенном Ведомстве, где заведовал всеми царским конюшнями: в С. Петербурге, в Царском Селе, в Крыму, – другие места не помню. Его семья всюду имела казенную квартиру. Я гостила часто у Зеест в Царском Селе, также в С. Петербурге на Конюшенной улице.

Если не ошибаюсь, в 1908 году приехал в Россию Персидский Шах. Зеест тогда жили в Царском Селе, были пасхальные каникулы. Мы с Татой пошли во двор, где помещались конюшни, чтобы угостить и поласкать наших любимцев – царских лошадей.

Внезапно стража распахнула ворота. Несколько людей, с чалмами на головах, одетые в длинные халаты ввели лошадей: снежно-белых, с золотыми гривами, золотыми хвостами и челками. Они прошли мимо нас, направляясь к конюшням. Мы глядели восторженными глазами на это шествие, на красавцев-коней, которых, как оказалось, Персидский Шах привез в подарок Императору Николаю II. Описанное зрелище до сих пор будто стоит передо мной.

Когда бывали парады или смотры войскам, мы с Татой всегда стояли впереди публики, могли любоваться джигитовкой и ясно слышали слова или замечания Государя.

пейший разговор, вертелись у зеркала, звали друг друга "ма шер" и кривлялись. При ее уходе, делали ей реверанс... За эти проказы (принимаемые за чистую воду) она прозвала нас "из голубых и розовых бантов состоящие", а мы дали ей кличку "народ, да не тот".

В Институте нас воспитывали в патриотическом духе, в сознании служения долгу перед Родиной и семьей. Знакомили с народными преданьями, приглашая иногда известных гусляров и сказителей, передававших русские былины и сказки.

Полагаю, что живя в имениях, в деревнях или глухой провинции, имея в Институте постоянный контакт с нашей милой прислугой, многие из нас больше общались с народом, чем вышеупомянутая курсистка.

В 1905 году (1-ая революция), во время гуляний в институтском саду, нам бросали через стену революционные прокламации. Мы их подбирали и рвали, презирая эту "литературу".

В беженстве, в начале революции, мне пришлось познакомиться с одним политическим эмигрантом, высланным из Царской России. Он осведомился, где я училась. Узнав, что в Институте, сказал: "Я бы не поверил, ведь с вами можно обо всем рассуждать. – А почему бы и нет? – удивилась я.

– Да потому, что там ведь ничему кроме танцев, да слегка грамоте, – не учили. Всем известно, что Институты были вроде... (тут он запнулся) ну, публичных домов для Великих Князей".

Я захлебнулась от негодования. Ответила, что это гнусная ложь: никогда, ни один Великий Князь даже не переступал порога нашего Института. Подумав, пригласила его зайти ко мне, что он вскоре и сделал, а после неоднократно навещал меня. Я ему рассказывала об Институтах, о Мариинском Ведомстве, показывала хранящиеся у меня записи лекций наших преподавателей; говорила, что нас водили слушать лекции Кони; давала читать письма моей классной дамы, Начальницы и Почетного Опекуна, кн. Голи-

цына. Они писали мне запросто, с теплым чувством и заботой не только обо мне, но о других бывших екатерининках... Благодаря мне, бывший террорист переменил свое мнение об Институтах, в чем чистосердечно признался во время одного из своих посещений.

В Нищце проживала в то время группа высланных из России за подрывную деятельность и террористические акты. Когда произошел большевистский переворот, им прислали из Ленинграда очень крупную сумму денег. Они ответили: "Благодарим, пришлите еще", стали появляться в дорогих ресторанах и прекрасно оделись. Текст телеграммы я видела собственными глазами. В то время я сотрудничала в журнальчике "Русские Вести", печатавшемся на ротаторе г-жей Соболевой. Журнал распространялся среди солдат посланного во Францию Русского Корпуса во время 1-ой Герм. Войны. Мы старались внушить, что у каждого русского солдата есть долг перед своим Отечеством. Многие поступили во французские войска и продолжали воевать несмотря на "Брест-Литовский мир".

Мне посчастливилось встречаться в эмиграции с бывшими институтками. Все мы свято сохранили дружбу. По традиции, учившиеся в одном Институте называют друг друга на "ты". По наблюдениям, все они были на высоте: многие увезли своих детей, воспитали, дали образование – причем матери сами работали не покладая рук, во всем себе отказывая.

Среди бывших институток некоторые выделились на каком-либо поприще. Назову всем известных: З.А. Шаховскую – гл. редактора "Русской Мысли", она же – поэтесса, писательница и общественная деятельница. Ксению Деникину, вдову ген. Деникина, писавшую статьи о России в разных органах зарубежной печати. Екатерину Леонидовну Таубер – поэтессу и журналистку. Юлию Александровну Кутырину, много потрудившуюся для русской литературы, издавшую сочинения своего талантливого дяди-писателя И.С. Шмелева и своего покойного мужа Новгород-Северского, она же говорила по радио, знакомя слушателей с легендами русскими и др. народов. Лидию Алексееву, талантли-

вую поэтессу, Ариадну Игнатьевну Свешникову, издающую в Америке прекрасный журнал, который сама редактирует и иллюстрирует. В нем сотрудничают бывшие институтки "кикиндки" и даже их мужья. Журнал содержательный, дышит сердечностью и бодростью. Еще назову известную Евангелистку – Надежду Ивановну Найденко, несколько лет читавшую проповеди по радио Монте-Карло. Она долго жила в Ницце, где было Евангельское общество, занималась благотворительностью, навещала больных в госпиталях и всегда помогала нуждающимся. Оставшись вдовой, недавно уехала в Америку; г-жу Кандыба, художницу и г-жу Россет-Смирнову (симпатию Пушкина).

К сожалению, не знаю, или не могу припомнить других бывших институток, проявляющих себя в той или иной общественной деятельности.

Кончая эту статью, шлю низкий поклон нашему незабываемому Екатерининскому Институту в С. Петербурге. Теперь он переименован в "Шереметьевский Дворец" и отдан под библиотеку. По слухам, часть его начала разрушаться, но были приняты меры. Строил это здание знаменитый архитектор Гваренги.

Екатерининский Институт.

ХРАМОВОЙ ПРАЗДНИК

До Храмового Праздника оставалась неделя. Жизнь Института выбилась из колеи. Царило ожидательное, нервное настроение; на уроки не обращали внимания, плохо учились. Преподаватели были недовольны – журналы пестрели плохими отметками.

Старшие воспитанницы готовились к концерту. Солистки заранее трусили и беспрестанно повторяли в селлюлях трудные музыкальные пассажи: за этим занятием проводили даже свободные часы. В белой зале собирались на репетиции и спевки. Не доверяя учительницам, профессор К.К. фон-Бах сам дирижировал и руководил ими.

Пепиньерки не принимали участия в концерте, но занимались рисованием обложек для программ, подносившимся Почетным Опекунам, начальству, гостям и родственникам. Гадали, позволят ли продлить бал до 2-х часов ночи*, кто будет присутствовать на балу, каких пригласят кавалеров, и какой гвардейский полк пришлет свой оркестр?

Рассылать пригласительные билеты разрешалось пепиньеркам и старшим классам. Кавалеров выдавали за "кузенов и дядей". Начальство закрывало глаза на это многочисленное родство и удовлетворяло просьбы воспитанниц. Младшие выпрашивали у старших: "Мадемуазель, если есть свободное место, внесите в ваш список моего брата".

За два дня до Праздника в Институте началась суета. Прислуга наводила блеск и лоск, хотя и без того в здании царила образ-

---

* Официально бал продолжался лишь до 12 с половиной ночи.

цовая чистота. Особенно старались полотеры, — так натирали паркет, что по нему скользили, как по льду... Даже в лазарете чувствовалось ожидание праздника: на вечерних приемах выходило невероятное количество медовой мази и ланолина, бравшихся институтками "для смягчения кожи". Больные умоляли доктора выпустить их из лазарета, уверяя, что они "совершенно здоровы", в подтверждение чего стряхивали на градусниках свою высокую температуру, а чтобы скрыть бледность, терли щеки носовыми платками. Сколько слез проливалось девочками на лазаретные подушки, если не удавалось попасть на бал!

Вечером институтки готовились к урокам следующего "последнего" дня. В коридорах было пусто и тихо. Воспитанницы сидели по классам, откуда неслось мерное жужжание голосов. Классные дамы помещались за своими столиками; возле них, на стульях, слабые в науке воспитанницы. Они им объясняли то, что было непонятно из заданного, или спрашивали выученные уроки.

В младшем классе, у "седьмушек" дежурила пепиньерка, заменяла свободную в этот день классную даму. Другая подготовляла детей к уроку немецкого языка. Возле нее, на маленьком стуле сидела кукла, одетая в институтскую форму. Пепиньерка вызывала ученицу, приказывала раздевать куклу, причем по немецки говорилось "я снимаю с куклы платье". Девочка повторяла слова, а за ней, хором, весь класс. Когда платье и белье были сняты, вызывалась другая воспитанница, чтобы одеть куклу, повторялись соответствующие немецкие фразы, по порядку, потом вразбивку, пока не заучивали наизусть.

Пепиньерки якобы готовились к предстоящим лекциям, но так как до них оставалось еще много времени, то, сидя за партами, читали книги, вышивали, вязали, рисовали, или понизив голос, просто болтали друг с другом. Классная дама иногда заходила, чтобы взглянуть на своих "девочек"*

---

* Пепиньерок не вызывали на уроках. Им ставили баллы при ежемесячных репетициях, происходящих в присутствии профессоров, инспектора, Начальницы и 2-х ассистентов.

Наконец-то пришел желанный день Храмового праздника. С утра чувствовалось радостное настроение.

Воспитанницам выдали бальные платья: батистовые пелеринки и рукавчики, новые прюнелевые башмачки. Аккуратно сложенные, лежали в дортуарах воздушные передники. Институток разбудили на час позже обычного. Они не спеша одевались и причесывались. Стояли линии "шнурующихся"*. В старших классах были очереди возле подруг, славившихся умением причесывать к лицу. От кроватей к умывальникам шли девушки, в коленкоровых кофточках и бумазейных нижних юбках, в чепчиках и ночных туфлях. Гремели в кружечках зубные щетки, пахло мятой, душистым мылом, о-де-колоном. Нетронутые косметиками щечки алели свежестью.

Без четверти девять, дежурные воспитанницы вышли в коридоры звонить к утренней молитве. Из своих комнат стали появляться классные дамы в парадных светло-голубых платьях.

Старик Александр – глава мужской прислуги – в зеленом мундире, с завешанной медалями грудью, в сотый раз шел в церковь. Там был образцовый порядок, но все же старый солдат волновался – "не забыли ли чего?" Предстояло торжественное богослужение с Высокопреосвященным Антонием, Митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским. Александр вошел в домашнюю церковь, облицованную серым мрамором. У входа были колонны, поддерживающие балкон, где за богослужением помещались прислуга и служащие лазарета. Церковь сияла ризами икон и паникадилами. От входной двери до Царских Врат расстилался парадный ковер – голубой с коричневым узором, вышитый институтками. Мерцали разноцветные лампады. Образ Св. Великомученицы Екатерины (покровительницы Института) лежал на аналое посреди Церкви, окруженный пышным венком живых цветов.

Александр сделал земной поклон, и пошел на дальнейшую инспекцию. Заглянул в столовую. Она блестела чистотой и накрахмаленными скатертями. Из кухни пахло шоколадом, подававшимся в праздничные дни с плюшками, вместо будничного чая с

---

*Форменные платья институток имели сзади шнуровку. Воспитанницы становились одна сзади другой и каждая шнуровала ту, что стояла впереди.

французской булкой. Осмотр столовой не входил в обязанности Александра, но, по случаю торжественного дня, он считал своим долгом всюду сунуть нос. Старик не прочь был бы навести порядок в дортуарах, но туда ему вход запрещался. Он окликал снующих по коридорам горничных, спрашивая: "Одеты ли барышни?" "Готовы ли к молитве?" "Не опоздают ли?" Девушки на ходу отшучивались или, махнув рукой, мчались к своим дортуарам.

Заметив дежурных институток, Александр пошел навстречу: "Не пора ли, барышни, звонок давать?"

"Еще минута осталась".

"Да уж чего там, звоните!" – он просиял и поклонился в пояс: "Проздравляю вас, барышни, с высокоторжественным днем!"

"Спасибо, Александр, и вас поздравляем", – они улыбнулись ему и пошли вдоль коридора звоня в ручной колокольчик, призывавший на утреннюю молитву.

До богослужения оставалось полчаса, но институток уже повели в церковь. Разделенные голубым ковром, они поместились направо и налево.

Певчие старших (1-го и 2-го) классов взошли на клиросы; все волновались, особенно регентши: при появлении Митрополита, они должны были дать тон для "Испола-эти-Деспота". В помощь 1-му классу, исполнявшему концерт и квартет с солистками*, был приглашен Архангельский**, выделявшийся темным пятном на фоне белых пелеринок.

В ожидании Митрополита все стояли тихо. Впереди выстроенных рядами воспитанниц, инспектриса княгина Гагарина выравнивала их в линии. Это была высокая дама с "прилизанными" волосами и тонким с горбинкой, носом. На верхней губе росли усики. Держалась прямо, строго глядела из-под пенсне, говорила резко и отрывисто. Институтки прозвали ее "Княже Гагарин" и боя-

---

* Святый Боже и Тебе поем.

** Известный дирижер церковных хоров, автор многих духовных песнопений.

лись пуще огня. Даже пепиньерки (к которым она не имела отношения) старались не попадаться ей на глаза.

Последними явились в церковь старшие пепиньерки. Они слегка завили свои волосы и взбили их. Гагарина неодобрительно фыркнула. Шедшая сзади них классная дама делала вид, что не заметила вольностей, допущенных ее "девочками" – вроде изящных туфелек, сменивших казенные башмаки, и пышных причесок. Пепиньерки были одеты в легкие светло-серые платья, опоясанные широкими красными лентами; с плеч спускались кружевные пелеринки. Только что они успели занять свое место, как вошла Начальница, стала возле стула у левой колонны. У правой находился небольшого роста сановник, седой, лысый, в мундире Мариинского ведомства, при орденах и звезде, с алой лентой через плечо. Появление его вызвало восторженный шепот в рядах воспитанниц: "Георгий Петрович приехал!"

Из-под круглых очков сановник обводил взглядом церковь, незаметно кивая институткам. Это был Алексеев, Почетный Опекун. Его искренне любили, и за его щедрость, и за то, что он с воспитанницами обращался "как равный", иначе говоря шутил и выслушивал терпеливо все, что они ему говорили. Он приезжал в столицу несколько раз в год из Екатеринославской губернии, где занимал большой пост и владел огромным поместьем.

Институтки ходили за ним толпами, и никакая дисциплина не могла сдержать выражения их бурного восторга. Слышались шутки Георгия Петровича, смех и щебет окружавших его белых пелеринок. Классные дамы тщетно пытались навести порядок в этом веселом конвое старого Опекуна. Поднимая шум и гам, институтки делали вид, что не видят и не слышат "синявку". Наперебой приглашали Алексеева к себе в классы или в столовую на обед, крича и оглушая его: "к нам! к нам!" Он удовлетворял их просьбы, но отдавал предпочтение младшим. Присутствуя на уроках или экзаменах, всем отвечавшим ставил высший балл. Дни, что проводил Алексеев в С. Петербурге, отмечались в Институте приятными сюрпризами: воспитанницы получали фрукты, добавочные порции и лишний десерт. В день Храмового Праздника старшим классам посылались от него к балу бутоньерки живых цветов. Лежащие в лазарете малыши получали куклы, игрушки,

а старшие – книжки, ящики с красками, изящную почтовую бумагу.

Возле Алексеева стали у правой колонны другие почетные Опекуны: барон фон Гойнинген-Гюне*, князь Голицын**, генерал Ермолов. Между колоннами и входной дверью поместился многочисленный институтский персонал и пришедшие бывшие воспитанницы. Появление каждой из них встречалось легким шепотом в рядах институток. "Княже Гагарин" грозно сверкала глазами на это нарушение порядка.

Наконец, из коридора высунулась голова Александра, делающего знаки певчим. Архангельский, вытянув шею, смотрел в направлении двери. Показался в лиловой шелковой мантии Митрополит Антоний. Хор тотчас стройно запел "Испола-эти-Деспота".

Высокий, представительный, с седеющими кудрями, с бриллиантовым крестом на белом клобуке, Митрополит шел к алтарю, благословляя склоняющиеся юные головы.

Концерт начался в 9 вечера. Зала ярко освещена 5-ю хрустальными люстрами и 12-ю канделябрами, стоящими у колонн. Портреты двух Императриц*** ласково глядят на жизнерадостных институток, которые, разделенные по классам, сидят на длинных скамейках между колоннами со своими воспитательницами. Посреди зала, около 4-х раскрытых роялей, сгруппировался хор 1-го и 2-го (старших) классов. Поют Осеннюю Песнь Чайковского "Скоро, увы, проходят дни счастья". Аккомпанируют две

---

* Барон фон Гойнинен-Гюне заведовал в Институте хозяйственной частью.

** Князь Дмитрий Петрович Голицын, поэт и историк. Писал под псевдонимом "Муравлин".

*** Портреты Императрицы Марии Федоровны, Супруги Императора Павла I, основавшей Екатерининский Институт и учредившей Мариинское Ведомство. Также портрет Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, супруги Императора Александра III, матери Николая II.

воспитанницы. Профессор музыки (Константин Константинович фон-Бах), одетый в мундир Ведомства Императрицы Марии Федоровны, в белых перчатках и парадном галстухе, с Орденом Анны на шее, – дирижирует хором. В креслах сидят Начальница, Почетные Опекуны, инспектрисы, родственники воспитанниц и знакомые начальства. Сзади стоят, в бальных туалетах, бывшие институтки, вперемежку с приехавшими на бал кавалерами. Сверкают мундиры и эполеты гвардейцев; много лицеистов, пажей, правоведов; несколько черкесок Конвойцев Его Величества и синие мундиры студентов.

Легкое, приподнятое настроение, шепотом перекидываются фразами. Двери в физический зал* настежь открыты; там тоже немало публики. Возле окон накрыты столы, за ними дежурят экономка и ее помощницы, чтобы угощать желающих фруктами, безалкогольными напитками и всеми лакомствами.

В зале солистка исполняет "Колыбельную" Грига.

По окончании концерта... "при каскаде огней, озаряющих Белую Залу, зазвучал модный вальс для открытия бала"...*

Старшей из пепиньерок выпадает честь открыть бал с Почетным Опекуном князем Дмитрием Петровичем Голицыным-Муравлиным; присоединяются другие пары, вскоре зал полон танцующими. Играет оркестр Преображенского Лейб-Гвардии Полка, любезно присланный для Екатерининского Института по случаю Храмового Праздника; он помещен между колоннами, за стоящим на пьедестале портретом Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. В зале царит атмосфера молодости. Прислуга с любопытством следит за танцующими из окна коридора верхнего этажа, выходящего в залу.

Но вот часы в нижнем коридоре пробили час ночи. Начальница подала знак, оркестр умолк. Институтки чинно собрались в зале, вперед вышла регентша. Юные женские и мужские голоса

---

* Зал, где проходили опыты на уроках химии и физики. Там стояли шкапы со всем, что требовалось для опытов.

** Цитата из моего стихотворения. Т.С.-М.

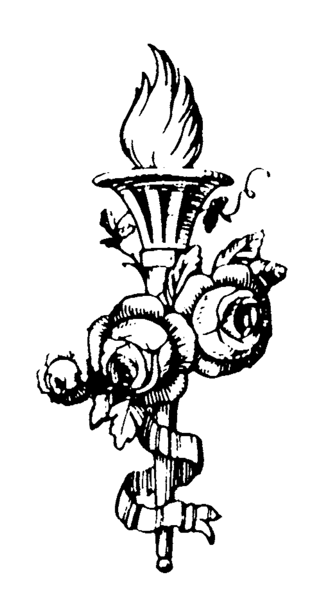
запели наш русский гимн "Боже Царя храни", который повторили несколько раз.

Затем Начальница поблагодарила всех, посетивших институтский праздник. Выстроившись по классам, воспитанницы прошли в столовую, где ждал легкий ужин и коробки с конфетами, на крышках которых были изображены Российский герб или Царские портреты.

Кавалерам, приехавшим на бал, был предложен холодный ужин в библиотечном зале, а солдатам оркестра – на кухне за столовой.

После трапезы, под впечатлением этого исключительного дня, институтки направились в свои дортуары.

Праздник был кончен. Спокойной ночи!

МАСЛЕНАЯ НЕДЕЛЯ И ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Прошли зимние месяцы; в воздухе чуть запахло весной. Подошла Масленая – в нашем Институте ее отметили блинами и маскарадом. Масок надевать не разрешалось, зато могли наряжаться в любые костюмы. Мой старший брат, Владимир*, прислал мне костюм черкешенки, очень эффектный, в котором я щеголяла на нашем маскараде. Вечером пришел, приглашенный начальством, тапер, игравший модные в то время танцы: па д'эспань, па де катр, шакон, венгерку. Младшим девочкам разрешили танцевать со старшими. Приукрашенные пестрыми костюмами, ряженые распустили или завили свои волосы, все были возбуждены, рассматривали друг друга.

До танцев, прошли парами перед Начальницей и инспектрисами, снисходительно одобрявшими превращение скромных институток в казенных формах – в цветочниц, цыганок, пастушек, малоросок, под руку со средневековыми пажами, трубадурами, пьеро, рыбаками... После танцев, окончившихся в 11 часов ночи, фотограф снял их при вспышке магния.

Три раза в неделю пекли вкусные блины, подавали с топленым маслом, сметаной и копчушками.

Старые классные дамы вспоминали, как в конце 19-го века институток в придворных каретах возили на Марсово поле, где в то время стояли балаганы, объезжали три раза вокруг площади и возвращались обратно.

---

* Владимир Александрович Макшеев. Кончил курс Естественных наук в Спб. Университете. Преподавал в 1-ом Кадетском корпусе (естественные науки), а также обучал детей Великого Князя Петра Николаевича и Герцога Ольденбургского. (Дети В. Кн. Петра Николаевича были Марина и Роман Петровичи.). Там же он познакомился и подружился с Жильяром.

Среди Масленой был приглашен в Институт сибиряк-гусляр**. Посреди зала была поставлена высокая эстрада. Одетый в лапти и белую вышитую рубашку, гусляр, аккомпанируя себе на гуслях, пел старинные русские песни; перебирая струны, говорил речитативом древние былины, предания, сказания.

По инициативе Почетного Опекуна князя Голицына-Муравлина* в конце Масленой был организован литературно-музыкальный вечер, выступали артисты Александринского театра, известные писатели и поэты.

Старушка Стрельская читала басни Крылова. В одной она запнулась, остановилась и сказала: "Простите, дальше забыла..." Мы тут же ей, хором с готовностью подсказали недостающие слова. Она улыбнулась, кивнула нам и продолжала чтение. Затем мелодекламировал Павел Васильевич Самойлов: "Тянутся по небу тучи тяжелые, сыро и мрачно вокруг. Плача, деревья качаются, голые, не просыпайся, мой друг, не разгоняй сновиденья веселые, не размыкай своих глаз, – сны беззаботные, сны мимолетные снятся лишь раз". Эти стихи, а также бывшее тогда в моде "Будда" Мережковского ("По горам, среди ущелий темных") в исполнении Самойлова, имело огромный успех, а я их как-то сразу запомнила и не раз декламировала вечером в дортуаре для подруг. Из писателей на том же собрании выступали: К. Баранцевич, Д.С. Мережковский и кн. Барятинский, читавшие свои рассказы или отрывки своих произведений. В заключение, князь Голицын-Муравлин (Дмитрий Петрович) сказал патриотическое слово и продекламировал свои стихи. Одна из строф запоминалась и часто повторялась институтками: "Пушкин сидит на скамейке лицейского сада. Снегом покрыта рука, что писала так много... так мало!"

Масляная неделя кончилась "Прощенным Воскресением". Накануне его, вечером, воспитанницы просили друг у друга про-

---

** Забыла его фамилию, он был известен, я его встретила в беженстве в Ницце. Он заходил ко мне.

щения, мирились со своими "врагами" (иначе говоря, с которыми поссорились из-за пустяков). А в дортуарах, в постелях, в ночных рубашках и кофточках, став на колени, просили прощения у классных дам, отвечавших: "Бог простит, и вы меня простите". После являлись горничные, кланялись в пояс, а то и в землю: "Простите меня, грешную". Барышни говорили: "Бог простит, и вы нас простите, если в чем обидели". Девушки обходили кровати, со всеми целовались, некоторые плакали. Произносилось много сердечных, теплых слов.

Наступивший Великий пост сопровождался частыми церковными службами – на 1-ой, 4-ой и 7-ой неделе, они бывали ежедневно. Все по очереди говели, исповедовались, торжественно причащались, по субботам. Два раза в неделю ели за столом только постное кушанье, – тогда из кухни несся запах жареной рыбы. Прислуге, по желанию постившейся весь Пост, готовился особый стол.

По традиции нашего Института, когда причащалась "дортуарная" девушка любого класса, то в этот день ей не полагалось работать. Воспитанницы сами стелили кровати, подметали пол, стирали пыль и чистили умывальники.

К приходу весны, обычно в марте, пекли жаворонков. Старшим разрешалось идти на кухню, по несколько человек от каждого класса и помогать поварихе. Это было для нас веселое развлечение. Вымыв руки и сняв рукавчики*, шли на кухню, т.е. большое помещение в несколько комнат: одна, так называемая "провиантская", где хранилась провизия и не было проведено центральное отопление; там на мраморных досках лежали мясо или рыба, овощи, фрукты; вдоль стен, в шкапах с раздвижными дверцами, хранились запасы муки, риса, макарон, различных круп, сахара, соли. Следующая – была длинная комната с печами-плита-

---

* Рукавчики, из полотна по будням, из батиста по праздникам, всовывались в короткие рукава платьев, связанные тесемками на спине и груди.

ми, топившимися газом или дровами; стояла или висела кухонная посуда, – кастрюли, котелки, сковороды. Все сияло чистотой; кафельный пол натирался до блеска. Затем была зала с длинными столами и скамейками, с посудой в шкапах за стеклянными дверцами. В этой зале обедал и ужинал служащий персонал – мужская и женская прислуга: повара, кухарки, горничная и экономка.

Был в Институте также и эконом, но он являлся как бы начальством над кухонными служащими: давал распоряжения, следил за доставкой провизии и заведовал расходами. Он с семьей жил в пристройке здания Института, был дворянином, дочери его учились в Институте. Экономка же (из мещанок) заведовала кухней, составляла меню обедов и ужинов, для чего раз в неделю приходила в столовую на совещание с 2-мя дежурными воспитанницами старшего (1-го) класса. Как-то случайно мы узнали, что она дала взаймы наши вафельницы (формочки для печенья вафель) Смольному Институту, т.е. вероятно, по знакомству его экономке. Чтобы извести ее, мы, дежурные 1-го класса, тотчас заказали на сладкое "вафли с битыми сливками". Она как-то "выкрутилась", но мы вскоре повторили заказ, ставя ее в неловкое положение. Это продолжалось недели 3, наконец вафельницы вернулись и мы успокоились.

Возвращаюсь к жаворонкам. Приготовленное для них тесто было разложено небольшимы круглыми лепешками на деревянном столе.

Под руководством кухарки, мы лепили подобие птичек: туловище с хвостиком и крылышками, головка с изюминками вместо глаз. Отдельно стояли железные листы, смазанные маслом. Уложенные на них готовые жаворонки поочередно задвигались в духовку. Закончив свое участие в приготовлении, институтки уходили в свои классы.

Вскоре, по нижнему коридору распространялся аппетитный запах сдобного теста.

"Жаворонки прилетели!" – приветствовал сторож Леонтий, распахивая, среди дня, перед входившими воспитанницами, двери

столовой, где ждал сервированный чай с еще теплыми жаворонками.

Великим постом мы меньше думали о шалостях и может быть потому лучше учились, усерднее занимались науками. В 2-х старших классах начиналась подготовка к выпускным экзаменам; у педагогичек шли репетиции: программа у них была обширная – проходили, в слегка сокращенном виде, науки, преподаваемые на Высших женских курсах; лекции читались известными профессорами. Особенно любимым из них был пожилой профессор Витеберг – преподававший русскую литературу. Седая голова, сгорбленный, некрасивый, он имел талант увлекательно преподавать свой предмет. За его лекциями мы сидели, как зачарованные, не пропуская ни одного слова. Он был другом известного профессора Кони, на публичные выступления которого Витберг добывал нам приглашения. Также как и в программе учения в классах, обращалось большое внимание на языки – французский и немецкий, преподавалась педагогика, сравнительное языковедение, высшая математика, затрагивалась и политическая экономия, происходили опыты по естественным наукам – мы изучали анатомию на лягушках и мышах. По педагогике – давали пробные уроки в младших классах.

Каждая воспитанница, учившаяся на добавочных курсах в нашем Институте, избирала себе специальностью какой-либо предмет. Лично я избрала специальностью французский язык – окончив курсы, я вскоре получила место преподавательницы французского языка в женской гимназии Принца Ольденбургского – в 4-м (среднем) классе и в старшем, выпускном.

ЦАРСКИЙ ДЕНЬ

В Институте Царскими днями назывались именины Государя Императора Николая II (6 декабря) и Рождение Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны (14-го ноября, оба старого стиля). Приходившиеся в учебном сезоне, они праздновались всеми учреждениями Мариинского ведомства.

В Екатерининском Институте в те дни воспитанниц будили на час позже; утром пили шоколад со сладкими булочками; в домашней церкви служили торжественный молебен, после которого в столовой подавали парадный обед. В праздники меню обычно состояло из бульона с пирожками, порционной половины рябчика с овощами и брусничным вареньем и мороженого.

После десерта, мужская прислуга вносила подносы с бокалами шампанского. В 1909 году нашей Начальницей была Елена Михайловна Ершова. В Царский день она обедала за столом выпускного класса. Взяв бокал шампанского, выходила на середину столовой и провозглашала: "За здоровье Ее (или Его) Императорского Величества Государыни (или Государя), ура!" Вставшие с мест институтки громко повторяли "Ура!", после чего пели гимн и "Многая Лета". Классные дамы, инспектрисы, педагогички и дежурные старших классов подходили чокнуться с Начальницей. Шампанское кроме начальства полагалось педагогичкам и выпускному классу, остальные получали по рюмке мадеры.

После обеда пели молитву "Благодарим Тебя" и все шли к выходу: сперва педагогички, за ними – выпускные и так далее, до младших "седьмушек" – 9-ти и 10-тилетних девочек с туго заплетенными косичками.

В Царские дни, наградные и хорошие ученицы двух старших классов, также педагогички, бывали на спектаклях казенных теат-

ров: Мариинском (опера, балет), Александринском (драма, комедия) и Михайловском, где шли пьесы на французском языке, – в описываемое время играл отец Саши Гитри). Я всегда попадала в Мариинский театр. В этой статье описываю оперу Глинки "Жизнь за царя".

В партере театра сидели наши Почетные Опекуны с широкими пунсовыми лентами через плечо, при орденах и звездах, также высшие чины Мариинского ведомства. В креслах – пажи, правоведы, лицеисты, воспитанники Морского Корпуса, юнкера Николаевского училища. Ложи были заняты институтками, с их начальницами и классными дамами. Верхние ярусы предоставлялись юнкерам, кадетам, гимназисткам, гимназистам, питомцам Училища Принца Ольденбургского и казенных приютов. Молодежь, радостно настроенная, гудела веселыми голосами. Смолянки и Екатерининки занимали ложи по обе стороны Царской. Остальные ложи предоставлялись Институтам: Еленинскому, Елизаветинскому, Мариинскому, Ксениинскому, Николаевскому, Павловскому, Патриотическому. Педагогички сидели в литерной ложе в своих красивых светло-серых праздничных платьях. Царскую Ложу занимали Члены Царской Фамилии.

Взвился занавес. На огромной сцене стояли оперные артисты, балет, хор и статисты. Дирижер махнул палочкой, раздались мощные аккорды. Послышался легкий шелест – все встали. Артисты на сцене и зрители запели Русский Гимн "Боже Царя Храни". Повторили трижды и еще раз, по требованию учащейся молодежи. Величественные звуки наполнили здание театра; тысячи глаз сияли воодушевлением, восторгом.

Медленно, под единодушные хлопки, опустился занавес. Все заняли свои места, сразу водворилась тишина: оперу готовились слушать с радостью, она, несомненно, найдет отклик в горячих сердцах, аплодисменты будут искренни.

Началась увертюра. Бессмертная музыка Глинки, будто почерпнутая в недрах родной природы, отражала величие русской души, ее тоску, стремление к идеалу и правде; великодушие, суровое исполнение долга.

Легким диссонансом врывались краковяк и мазурка.

Все кончалось торжественным звоном колоколов.

В театре было тихо, будто сцена, оркестр и зрители в зале слились в одно гигантское целое...

В антракте коридоры наполнились молодежью. Под надзором начальства шли в буфет или прогуливались. Украдкой переглядывались, кивали знакомым, обменивались фразами. Слышался сдержанный смех, лица были возбуждены: под казенными платьями и мундирами ключом била юность. Казалось, будто повеселели старые своды Мариинского театра; даже у важных капельдинеров разгладились складки физиономий, – а оба рослых гвардейца, на страже Царской ложи, едва сдерживали улыбку на застывших лицах.

Екатерининки, заметив одного из известных чиновников Мариинского Ведомства, окружили его и засыпали вопросами. При Институте у них тогда был большой сад, выходивший на Литейный проспект против Мариинской больницы. Пронесся слух, будто явилось распоряжение отделить часть его для каких-то целей; там рос большой дуб, посаженный основательницей Екатерининского Института, Марией Федоровной (женой Павла I). И вот, институтки просили чиновника, чтобы он объяснил им – правдивы ли предположения о сокращении сада и не заберут ли место, где исторический дуб? Чиновник любезно отвечал, что был такой проект, чтобы сократить сад вдоль каменной стены у Литейного проспекта, но окончательного решения не было и вероятно не последует.

Институтки обрадовались и успокоились.*

В следующем антракте, институтки не выходили из лож. Ла-

---

* Недавно в Ленинград ездил один из старых эмигрантов (живущий в Америке), чтобы навестить в СССР свою сестру. Его мать воспитывалась в Спб. Екатерининском институте. Теперь фасад (с Фонтанки) остался как был, но в запущенном виде. Сад, выходящий на Литейный пр., превращен в сквер. Сняв фотографию, привезли с собой и одну подарили автору этого очерка. Ясно виден вход и крыльцо, по которому институтки спускались в сад. Можно было узнать ствол дерева, росшего у стены; в 1909 году это была молоденькая березка с искривленным стволом. Он виден на фотографии, покривленный, как много лет назад, но стал солидным. До революции ни в С. Петербурге, ни в Петрограде этого сада не сокращали, оставляя при Институте (прим. автора).

кеи во фраках, черных атласных панталонах, в белых чулках и низких башмаках с пряжками, – разносили подносы с фруктами и конфетами, которые были в коробках с портретами Царской Семьи или с Российским Гербом.

Девочки принялись за угощение, с любопытством разглядывая мужскую молодежь; те, в свою очередь, посматривали на "женский пол" и, очевидно, говорили о них. Невольно вспоминалась басня "Лисица и Виноград".

Опера кончилась. Молодежь долго единодушно вызывала артистов. Долина (Ваня), Тартаков (Сусанин), Лешковская (сопрано) и балетные – Петипа (мазурка), Седова, Трефилова (краковяк) – не переставали кланяться, отвечая на бурные овации.

Шел снег. Крупные хлопья, падая и кружась в воздухе, сверкали при свете фонаря.

Из здания театра стали выходить институтки со своими классными дамами. Молоденькие девушки были одеты в неуклюжие шубы, подбитые ватой; в резиновых калошах утопали их ножки, головы накрывались фетровыми шапочками. Однако, глаза весело блестели, губы улыбались. Им – затворницам – было радостно от вольного воздуха, легкого мороза, непривычной толпы. Улица казалась оживленной картиной, манила жизнью, не похожей на размеренное существование Института.

Первыми спустились с крыльца смолянки. Тяжелые кареты с кучером в придворной ливрее, увезли их. Затем отчетливый голос швейцара позвал: "Екатерининский институт! Карета первая". (За институтками присылали от Конюшенного Ведомства придворные кареты, которые возили их по театрам и привозили обратно в Институты).

Фасад Мариинского театра, панель и улица были освещены голубовато-розовым светом зимнего петербургского вечера; горело золотом стекло каретной дверцы. Кареты покатились, исчез із глаз Мариинский театр; скрипели колеса по мерзлому снегу,

мелькали освещенные окна магазинов, сани, фонари, прохожие. Институтки болтали, делясь впечатлениями, смеясь над классной дамой, у которой перо на шляпе, задевая верх кареты, заставляло держать голову наклоненной. Не боясь замечаний, девочки выглядывали из окон, смотря на улицу, впитывали впечатления, которые теснились и рвались наружу.

Показались конные статуи Аничкова моста, последний поворот на Фонтанку – и карета въехала в крытый подъезд стиля ампир. Швейцар, в красной ливрее с российскими гербами, помог выйти из экипажа; массивная дверь впустила несколько институток с пожилой классной дамой и захлопнулась за ними. Швейцар остался снаружи, ожидая остальные кареты. В вестибюле встретил помощник швейцара, высокий старик Александр. Его грудь украшали медали. Он больше 30 лет служил в Институте, потому позволял себе некоторые почтительные вольности. Распахнув дверь в коридор, ласково улыбнулся и осведомился: "Хорошо повеселились, барышни?"

"Спасибо, Александр, очень было хорошо".

"То-то. А мы здесь без вас скучали". "Мы" означало воспитанниц, не попавших в театры и его, Александра – он ведь переживал все, касающееся жизни Института.

Старый солдат был награжден приветливыми улыбками.

Сняв шубки, шапки и галоши, старшие педагогички пошли в свое помещение. Там ждала их классная дама, Варвара Михайловна Юренева, чтобы повести к Начальнице, по случаю простуды не поехавшей в театр.

Квартира Начальницы была в нижнем коридоре, дверь из него вела в так называемую приемную, где вдоль стен стояли стулья и две "горки" (витрины) черного дерева; там, за стеклами, помещались миниатюры, рисунки, кружева, вышивки, – работы воспитанниц Екатерининского Института с его основания.

В этой приемной, знакомой каждой институтке, разрешалось принимать родных, если они приезжали из провинции или уезжали в долгий путь.

Здесь же ожидали воспитанницы, вызванные Начальницей для разноса за крупные шалости. По субботам туда приходила дежурная пепиньерка, принося хронику-дневник институтских событий, писать его – лежало на обязанности старших педагогичек. В этой комнате тревожно или радостно бились девичьи сердца. Казалось, что она впитала в себя волнующий флюид.

Педагогички, с классной дамой, прошли приемную и очутились в гостиной, стены которой и мебель были обиты темно-розовым шелком; шум набережной Фонтанки заглушался портьерами, пол был затянут ковром. В одном углу стоял рояль, в глубине комнаты – письменный стол с деловыми бумагами и книги в шкапу, указывавшие на занятия Начальницы. Под потолком висела хрустальная люстра, подвески ее постоянно дрожали и звенели, так как наверху в белой зале шли уроки танцев или гимнастики, а во время рекреаций бегали, резвясь, младшие институтки. Там же происходили репетиции для концертов или спектаклей.

* * *

При входе девушек, из глубокого кресла поднялась Елена Михайловна Ершова. Ее лицо хранило следы красоты, в ушах сверкали бриллиантовые серьги, глаза соперничали с блеском этих камней. Начальница приветливо улыбнулась и сделала шаг навстречу. Педагогички, низко приседая, приветствовали ее, благодаря за доставленное удовольствие – посещение театра.

– Рада, что вы насладились оперой и благополучно вернулись. Слыхала, что вы прекрасно вели себя – поддержали честь нашего Института. Жалею, что нездоровье помешало мне сопутствовать вам. – Затем спросила, кто из Императорской фамилии присутствовал на спектакле, кто был из Почетных Опекунов, кто пел и танцовал, как играли артисты? Напомнила, что после ужина приглашен тапер и все воспитанницы могут танцевать в белой зале. Затем наклонением головы отпустила пепиньерок; уходя, они просили ее пожаловать к ним на чашку чая и разрешить им пригласить инспектора*.

---

* Инспектором в то время был Николай Сергеевич Карцев.

За круглым столом, накрытом в их гостиной, педагогички угощали своих гостей. Сервировка была простая, институтская – белые чашки и блюдечки, тарелочки с золотым ободком и маленьким двуглавым орлом. Уютно мурлыкал ярко начищенный самовар; на скатерти – блюда с тортом, печеньем и булочками от Филиппова (известный московский булочник-кондитер, поставщик Двора, имевший отделение в С.-Петербурге); были не забыты и сандвичи, также густые сливки и нарезанный ломтиками лимон.

Классная дама улыбалась – довольная, что ее "девочки" радушно принимают гостей. В кресле сидит Начальница, по случаю Царского Дня одетая в голубое шелковое платье, отделанное на рукавах и у ворота старинными кружевами; на груди Орден Св. Вел. Екатерины в бриллиантах с короной. (Орден этот имели Начальницы Спб. и Московского Екатерининских Институтов, при звании Кавалерственной Дамы).

Начальнице отведено место посреди стола, справа от нее – инспектор, милейший человек, большой идеалист. Он страдал близорукостью: читая что-либо, подносил текст к носу. С жестокостью молодости, институтки рисовали на него карикатуры: раскрытую книгу и внизу ноги.

Слева от Николая Сергеевича сидела Варя Касимова, возле нее – Кися Меньшикова, около Начальницы – Таня Макшеева и численного состава старшего курса – Надя Добровольская, должна была занимать приглашенную классную даму, доведшую их с 4-го вплоть до 1-го (выпускного) класса, Елену Михайловну Нечаеву – худую, высокую, всегда по моде (хотя и по форме) одетая, с приколотыми у плеча часиками, – она была образцом порядочности и справедливости. Воспитанницы прозвали ее "Благородный Холодильник", но она считалась одной из любимых классных дам, так как многое позволяла своим питомицам из того, что запрещалось в других классах – например, чтение новых (конечно, не безнравственных) книг, не вскрывала получаемые ими письма. Когда в ее классе случалась – неизбежная во всяком учебном заведении – "история", она сама, келейно, разбирала ее: закрыв двери, учиняла строгий допрос, не раздувала происшедшего и не доводила до сведения высшего начальства. Ее коллеги поступали иначе, отчего, иногда, из шалости или пустяков, создавалась "драма".

Хозяйничала и разливала чай будущая консерваторка Люся Дашкевич, которой помогала Тата Зеест. Общими усилиями поддерживался живой разговор; затрагивали свои, институтские темы, говорили о литературе, истории, философии, по поводу которой слегка спорили, а что касается истории – внимательно слушали начитанного, образованного Николая Сергеевича. В то же время отдавали честь и чаю и лакомствам, мило и радушно угощая гостей.

Для институток, не попавших в театры, от 2-х до 4-х часов был разрешен (по случаю Царского Дня) неурочный прием родных. Для него отводились четверги и воскресенья, а Царский праздник упал на вторник. Прием, как обычно, происходил в белой зале, сидели на стульях и на небольших ампирных скамейках, белых, обитых красным сукном, стоявших между колоннами.

В этот день начальство "закрывало глаза", допуская визиты настоящих или фальшивых "кузенов", явившихся навестить своих родственниц или знакомых девушек. Посетители, конечно, приносили разные лакомства: все это, по правилам, оставлялось в швейцарской, надписывалась фамилия воспитанницы, получавшей пакет после приема, во время которого не полагалось никаких угощений.

Вечером легли спать не в 9 часов (как обычно), а несколько позже, по случаю того, что был приглашен тапер, игравший модные в то время танцы.

Танцовали "шерочка с машерочкой", то есть институтки между собой, младшим было разрешено танцовать со старшими, что было для малышей огромным удовольствием, так как между разными классами не было особенного контакта, но в Царский День разрешались кое-какие отступления от правил.

После ужина, состоявшего, как всегда, из 2-х блюд, каждый класс шел на молитву в свое помещение, после было шествие "по парам, по росту" в дортуары. Конечно, сон пришел не так скоро, как всегда, – девочки обменивались впечатлениями быстро мелькнувшего праздника.

ПРИЕМ Е.И.В. ВДОВСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ МАРИЕЙ ФЕДОРОВНОЙ НАГРАДНЫХ СПБ. ИНСТИТУТОВ В 1909 г. ВЫПУСК ВОСПИТАННИЦ СПБ. УЧИЛИЩА ОРДЕНА СВ. В. ЕКАТЕРИНЫ

Вернувшись от Начальницы, дежурная классная дама объявила старшим пепиньеркам и выпускным 1-го класса, что Ее И. Величеством Государыней Марией Федоровной назначен прием наградных на 26-ое мая утром, в Гатчинском дворце. Список наградных был тотчас составлен и отнесен Елене Михайловне Ершовой. За несколько дней до Высочайшего приема, в Институте шла к нему тщательная подготовка: после утреннего чая наградных собирали в белой зале. Старшая инспектриса подробно объясняла, где будет сидеть Мария Федоровна, с какой стороны станут Великие Княжны и Великие Князья, где будут почетные гости и придворные дамы. Затем начиналась репетиция церемонии: институтки становились одна за другой, первыми шли педагогички, за ними – 14 наградных выпускного класса. На кресле сидела одна из классных дам, изображая Императрицу. Институтки подходили по очереди, делали глубокий реверанс, получали кусочек картона (якобы фотографию, которую со своей подписью Вдовствующая Императрица давала каждой наградной). Девочки делали вид, что целуют протянутую руку, приседали в придворном реверансе, отступали направо, не поворачивая спины, так, чтобы быть лицом к изображавшей Государыню. Классная дама обращала к ним французскую фразу, на которую надо было ответить, выговаривая ясно, например: "Имею честь ответить Вашему Величеству, что я ученица Спб. Училища Ордена Св. В. Екатерины", или: "имею честь... что я родилась в Калуге", "имею честь... что мой отец получил чин полковника Преображенского полка" и тому подобное. Ответы в этом духе заучивали наизусть и повторяли

между собой даже вне репетиций. Было предупреждено, что Мария Федоровна говорит тихо и невнятно – понадобится напрячь внимание и слух.

Конечно, все волновались, и начальство, и институтки.

26-го мая 1909 года наградных, после утреннего кофе, повели к Начальнице. Она еще раз повторила инструкции, просила следить за собой, вести себя отменно хорошо, так как "наш Институт отличается изысканными манерами и примерным воспитанием, не забывайте этого и будьте на высоте".

Окончив свою небольшую речь, она позвонила, явился лакей, несущий поднос с бутербродами, печеньем и рюмками порто.

"Закусите, мои девочки, это подкрепит вас", ласково пригласила Елена Михайловна, чокнулась со всеми, поцеловала воспитанниц и пожелала, чтобы все сошло гладко. "Господь да поможет вам".

Ради торжественного приема в Гатчино, выпускные надели тонкие передники, в мелкую складочку отделанные кружевами; рукавчики и пелеринки должны были снять во дворце. Педагогички были в бальных платьях, декольте, на плечах – кружевные пелеринки, которые во дворце будут заменены воздушными косынками, приколят бутоньерки живых цветов, а талию обернут широкими красными кушаками (цвета ленты Ордена Св. Вел. Екатерины) ; длинные концы их спустятся на шлейф платья.

(Косынки, цветы и пояса были положены в картонку, порученную горничной Пашеньке).

Швейцар доложил, что поданы придворные ландо. Институтки, в драповых пальто и фетровых шапочках, вышли с Начальницей и своими классными дамами в швейцарскую; их провожали до двери оставшиеся институтки, напутствуя хорошими пожела-

ниями и просьбами: "Привезите нам цветов из дворца! Замечайте все подробности, после расскажете нам – кто был на приеме? Наблюдайте за смолянками и другими институтками..."

Как интересно было ехать до вокзала по петербургским улицам! Радостно дышалось живительным весенним воздухом, светило солнце, стояла теплая, ясная погода. Царский поезд уже ждал на вокзале. На перроне собрались наградные от Институтов: Патриотического, Елизаветинского, Мариинского, Ксениинского, Павловского, Еленинского, Александровского, Николаевского (сиротского). Смолянки приехали после Екатерининок; все стали рассаживаться в вагоны. Поезд не трогался – ожидали приезда Почетных Опекунов.

Князь Голицын сел в купе с воспитанницами Екатерининского Института, – дорогой беседовал и шутил с девочками. В Гатчино – с вокзала до дворца – везли в линейках, крытых серым сукном; впереди, в тарантасах, ехали смолянки и екатерининки.

Во дворце каждому Институту были отведены отдельные комнаты, где девицы поправляли перед зеркалами прически и платья. Начальница нашего Института посматривала на часы. Заметив, что остается мало времени, вызвалась помочь одной из педагогичек приколоть к плечу бутоньерку цветов; начав, в то же время что-то говорить, нечаянно вонзила в кожу булавку: несмотря на боль, пепиньерка терпела; вдруг показалась кровь. Начальница испугалась: "Я вас уколола?" и стала своим платком вытирать кровь. В это время позвали на прием к Императрице.

Мария Федоровна сидела в кресле посреди небольшого зала, окруженная Великими Княжнами и Великими Князьями. Рядом стояли Принц Ольденбургский, Опекуны Институтов и придворные. На низком столике возле кресла лежала бархатная подушка, на которую Государыня, если устанет, могла положить руку: ведь

к ней подходило больше 200 воспитанниц. Она была в простеньком коричневом платье с кружевным воротником, заколотым аметистовой брошкой. Лицо – приветливое, обворожительная улыбка; большие выразительные глаза.

Первыми подошли смолянки. К одной Вдовствующая Императрица обратилась с вопросом. Затем наступила очередь Екатерининок. Когда одна из наградных пепиньерок склонилась в низком реверансе, Мария Федоровна вдруг заметила: "Милое дитя, что случилось? У вас здесь кровь", – и тронула ее рукой за плечо.

– Ваше Величество слишком добры, обратив внимание на такой пустяк, я нечаянно укололась, прикалывая цветы.

– Из какого вы Института?

– Ваше Величество, я имею честь быть воспитанницей Училища Ордена Св. Вел. Екатерины, – ответила спрашиваемая, подняв глаза на Императрицу. Та ласково улыбнулась и, обернувшись, что-то сказала стоявшему сзади одному из Почетных Опекунов; затем протянула девушке свою фотографию и руку для поцелуя. Радостно взволнованная институтка склонилась в придворном реверансе, отступила по этикету четыре шага вбок и, не поворачивая Государыне спины, подошла к выходной двери*

В смежной комнате стоял вызванный Почетным Опекуном доктор – он осмотрел "ранку" вошедшей, чем-то прижег, сказал "это не опасно", и ушел. Тотчас его "пациентку" обступили смолянки и их Начальница, расспрашивая, что говорила Мария Федоровна. Екатерининка сказала им, что Государыня даже дотронулась до ее плеча и была с ней чрезвычайно ласкова.

– Это принесет вам счастье, – заметила одна из смолянок.

После приема, длившегося довольно долго, наградных пригласили к завтраку. В огромной круглой зале было накрыто много столов, посреди каждого стоял "сюрту де табль", то есть украшение из цветов, которому была придана известная форма – на-

---

* Здесь описано то, что было с автором воспоминаний. Разговор велся по-французски, приведен точный перевод.

пример, из синих, красных и белых цветов был составлен как бы национальный флаг. Возле каждого прибора было меню с короной и Российским гербом, а также букетик цветов*.

Государыня с Начальницами институтов и Почетными Опекунами завтракала за большим столом в глубине залы. Великие Княжны и Принц Ольденбургский сели между институтками. Великие Князья куда-то исчезли – очевидно, им не полагалось разделять трапезу молодых девиц. Тихо играл духовой оркестр; прислуживали лакеи в белых чулках и коротких черных атласных панталонах.

Меню состояло из бульона в чашках, с пирожками; осетрины по-русски, котлеток из дичи с грибами, середины артишоков, суфле из цветной капусты, и пломбира. После дали фрукты, конфеты и кофе. К каждому блюду полагалось легкое вино; стоя сзади, лакеи наливали его; к десерту было подано русское шампанское "Абрау Дюрсо". Поднявшись с места, Принц Ольденбургский, от имени Ее Величества, поздравил институток с окончанием наук. Все ответили "Ура!", пропели Государыне "Многая Лета" и Русский Гимн.

После завтрака Мария Федоровна удалилась в свои апартаменты, а институток повезли кататься по громадному Гатчинскому парку; там росли вековые деревья, вероятно еще павловских времен. На широких лужайках паслись стада полудиких козочек: они с любопытством смотрели на приближающиеся экипажи, поворачивались и скрывались в чаще кустов.

День прошел как мгновение; вернулись в Институт под вечер; там ждали подарки от любимого Почетного Опекуна – Георгия Петровича Алексеева – для педагогичек серебряные значки, изображающие в миниатюре Орден Св. Вел. Екатерины; выпускным – овальные образки Божией Матери с выгравированными словами "Спаси и сохрани"**; для 3-х старших классов к балу бутоньерки цветов, а всем остальным – фрукты.

---

* Это меню осталось у меня на память, я его увезла с собой за границу, бережно хранила. Кто-то попросил у меня позволения переснять его, я одолжила... и с тех пор его не видала. (Т.С.-М.)

** Значок и образок до сих пор хранятся у меня (Т. С.-М.).

Остаток вечера, обед; бал с приглашенными кавалерами; последняя ночь в дортуарах. На следующий день – прощанье с начальством, служащим персоналом, с подругами, горничными. Затем был подан парадный обед, где между институтками сели Почетные Опекуны, профессора, учителя, Начальница, инспектор, инспектрисы и классные дамы. Чередуясь как в калейдоскопе, мчался день среди затемненных и светлых картин, оставшихся незабываемыми на всю жизнь... Плакали, расставаясь с подругами, со своим Институтом, говорилось много задушевных слов, давались обещания писать друг другу, не забывать.

Днем педагогички пошли в белую залу послушать, как выпускные 1-го класса будут исполнять старинную "Прощальную Песнь" – написанную Жуковским и переложенную на музыку композитором Глинкой – специально для Екатерининского Института. Это была красивая, слегка грустная мелодия.

Посреди залы стоял раскрытый рояль. Аккомпанировали в четыре руки две воспитанницы. Оба отделения выпускных (нормальное и параллельное) пели, стоя полукругом возле рояля.

"Здесь, подруги, к светлой цели,
все мы шли одной стезей,
здесь, как в мирной колыбели –
дни младенчества летели –
и промчалися стрелой...
    Этот день мы долго ждали,
    и, увы, все забывали,
    что для нас он – грусти день".

Почти у всех, у выпускных, у пепиньерок, у классных дам, начальства и служащих Института – были слезы на глазах.

Минуты летели. Приближалось время, когда тяжелая парадная дверь закроется за последней выпорхнувшей на волю институткой...

Наступили последние часы. Выпускные пошли в свои дортуары переодеться в "вольное" платье, снять казенную форму, которую никогда больше не наденут. По установившемуся обычаю,

выпуск был в белых платьях; верхняя одежда, шляпа, перчатки, башмаки – все было белое.

Сперва причесались у парикмахеров, специально приглашенных в Институт. Высокие прически с локонами, завивка, модные туалеты – сразу изменили девушек, они стали красивее, но выглядели старше своих лет.

Впервые за все годы, проведенные в Институте, обнаружилась в них разница материального положения: некоторые наряды были приготовлены первоклассными домами, другие – скромными портнихами. Но девушки так сжились и сдружились, что разница эта, заметная посторонним лицам, ускользала от них. Одевшись, спустились вниз по лестнице, по привычке – парами. В коридоре и на площадке нижней "парадной" лестницы ждали не поехавшие на каникулы воспитанницы и весь еще не отпущенный 2-ой класс. Приветствовали выпускных восторженными восклицаниями: "Вы настоящие красавицы! Какие прически, какие платья!" Принимая комплименты, выпускные, улыбаясь, кивали в ответ, посылали воздушные поцелуи.

Вдоль набережной Фонтанки, против парадного подъезда Института, ждало несколько экипажей – выпускных повезли в Казанский Собор, где предстоял напутственный молебен с архиереем; екатерининки должны были петь на клиросе. Солистка исполняла знаменитое "Господи Помилуй", называемое "Птичкой". Мелодия молитвы почти светская (к сожалению, не припомню имя автора).

Хор тихо начинал "Господи" и тотчас вступал высокий красивый голос солистки, повторяя трижды "Господи Помилуй", хор аккомпанировал пианиссимо; создавалось впечатление, будто бы поют ангелы с небес... Торжественная молитвенная обстановка, свежие, прекрасно подобранные молодые голоса, создавали такое настроение, что в публике некоторые плакали. Слушать эту "Птичку" при архиерейском служении и полюбоваться на 40-50 выпускных екатерининок в белых воздушных нарядах – собиралась большая толпа. В храме стояли свои, родные, друзья и знакомые,

конечно все институтское начальство, а также случайная публика. Огромный Казанский Собор был полон народу.

Пропев молебен, прослушав напутственное слово архиерея, приложившись ко Кресту, получив каждая благословение, выпускные разъезжались по домам. Педагогички в Казанский Собор не ездили, но покидали Институт в сопровождении своих родных. Когда закрывалась на ними дверь институтской швейцарской – перед ними открывалась другая, ведущая в неведомый мир, в путь, назначенный Судьбой...

НАШИ ПОЧЕТНЫЕ ОПЕКУНЫ

С 1900–1909 гг. в С.-Петербургском Екатерининском Институте было пять Почетных Опекунов: Георгий Петрович Алексеев, князь Дмитрий Петрович Голицын, барон фон Гойнинген-Гюне, Булгарин и Пантелеев.

В 1900 году среди учебного года скончался один из Почетных Опекунов – граф Протасов-Бахметьев. В сопровождении классных дам нас повели прощаться с ним; дом графа находился недалеко от нашего Института.

Мы подходили по очереди; становились на колени, поднимались по ступеням катафалка и прикладывались к холодной руке покойника. После этой церемонии возвратились в Институт.

Из пяти наших Почетных Опекунов, ясно помню тех, кто часто навещали Институт. Общим любимцем и баловником был Георгий Петрович Алексеев. В Екатерининской губернии у него было большое поместье, где он постоянно жил. Был в чине камергера Его Императорского Величества.

Приезжая неизменно 24 ноября (стар. стиля) – день Св. Вел. Екатерины – т.е. наш Храмовой праздник, – он приходил к обедне в нашу домовую церковь, одетый в красивый придворный мундир с красной лентой через плечо и бриллиантовой звездой на груди. Его место было справа у колонны; едва он появлялся, среди воспитанниц тотчас начиналось движение: оборачивались, перешептывались, радостно улыбались.

После торжественной службы с Антонием, Митрополитом С. Петербургским и Ладожским, Георгий Петрович завтракал в нашей столовой, за одним из столов младшего класса. Оттуда несся веселый смех – чего- конечно, не полагалось по строгим прави-

лам нашего заведения, – но, когда приезжал Георгий Петрович, мы своевольно нарушали дисциплину и никого кроме него не слушались.

В каждый свой приезд в столицу 3-4 раза в учебное время, он обходил все классы, спрашивая: "Кто в этом месяце именинница?" Счастливицы поднимались со своих мест, он записывал в книжечку их имена, и девочки вскоре получали подарки. Однажды был такой случай: вместе с именинницами встала одна, которую звали вовсе не "именинным" именем. Заметив это, классная дама стала делать ей знаки, означавшие, чтобы она села на место, однако девочка продолжала стоять. Когда настала ее очередь, заявила: "Георгий Петрович, извините, я не именинница, но в этом месяце будет мое рождение... можно?" Опекун, конечно, записал и ее.

Кроме подарков именинницам, все воспитанницы получали добавочное блюдо к завтраку, и фрукты. На Пасху от Георгия Петровича посылались институткам серебряные яички-брелоки, а педагогичкам и классным дамам – золотые. Все выпускные имели от него серебряные овальные иконки, с выгравированной надписью "Спаси и Сохрани" (эта иконка и до сих пор висит над моей кроватью). Педагогички по выходе из Института получали от Алексеева серебряные значки в виде миниатюрного ордена Св. Вел. Екатерины.

Георгий Петрович всегда приезжал на выпускные экзамены; ставил отвечавшей хороший балл, а если замечал, что она смущена, путает ответ, или попросту не знает билета – он выручал ее каким-нибудь легким вопросом, вроде, ну, скажем, по географии: "Какая самая высокая гора на Кавказе?" или по истории: "Кто и когда победил шведов?"; по литературе: "А ну-ка, скажите нам, что написал Гоголь?"

В каждый свой приезд Георгий Петрович обязательно навещал больных в нашем лазарете. Обходил все кровати, участливо осведомлялся о болезни, спрашивал, не хочется ли чего? После, в лазарет, от его имени, приносили – старшим что-либо вроде красивой почтовой бумаги, или хорошенькую безделушку, а младшим большей частью куклы. Как-то я была больна и попросила у

Опекуна "мебель" для моей малютки-куклы, с которой тут же играла. Вероятно, это была нелегкая задача: я получила коробку с крошечной мебелью... из слоновой кости! Диванчик, столик, стулья и шкапик. Это было будто из кости вырезанное кружево. Когда на Рождество я приехала домой, моя мама пришла в восторг от куколкиного "приданого", купила ей мебель попроще, но побольше размером, не найдя в игрушечных магазинах такой миниатюрной, а подаренную нашим Почетным Опекуном поставила в "горку" (т.е. шкапик со стеклами) в нашей гостиной.

Положа руку на сердце, могу сказать правдиво, что мы, институтки, любили Георгия Петровича не за его баловство и подарки, а за его исключительно сердечное и доброжелательное к нам отношение, за его заботы, и за то, что с нами он обращался "как равный". Мы ему поверяли наши шалости, рассказывали о нашей жизни, делились огорчениями и тем, что случилось в Институте. Он всем интересовался, выслушивал внимательно. Шутил с нами, расспрашивал о том и другом, и – до сих пор о нем не остыло самое теплое воспоминание.

К сожалению, не знаю, какая участь постигла нашего любимого Почетного Опекуна после фатального 17-го года. Ведь по ленинско-марксистским понятиям он был "эксплуататор, капиталист, буржуй-помещик" и почему-то "враг народа". Дай Бог, чтобы его не постигла тяжкая участь – бесчеловечной расправы. Память о нем по сей день живет в душе каждой, знавшей его, екатерининской институтки. Как сейчас вижу Георгия Петровича: небольшого роста, седой, лысый старик в очках. Лицо его часто озарялось улыбкой, в которой светилось добродушие и желание доставить удовольствие или сделать добро. Конечно, его давно нет в живых. Поминаю его в молитве – мир праху его!

Князь Дмитрий Петрович Голицын-Муравлин

Князь Дмитрий Петрович Голицын был очень интересный человек: исключительный знаток русской истории, он был и поэтом – писал под псевдонимом Муравлин, и потому был известен под двойной фамилией "Голицын-Муравлин".

Насколько мы (особенно в младших классах) "обожали" Г.П. Алексеева, настолько же мы, переходя в старший возраст, уважали князя Голицына.

Иногда, большей частью по праздникам, он приезжал экспромтом и читал интереснейшие лекции по русской истории. Говорил увлекательно; институткам, приходившим слушать его, не хватало мест в нашем "физическом" зале, где он выступал*. После лекции мы всегда просили его прочесть нам какое-либо его стихотворение; он охотно исполнял желание своей аудитории.

Князь Голицын был самый младший из наших Почетных Опекунов. В начале нашего века ему, на вид, было не больше 45-48 лет.

Несколько раз в учебном сезоне он организовывал в Институте концерты или литературные вечера, для чего посреди белой залы ставилась большая эстрада, крытая красным сукном, на ней – раскрытый рояль. Кн. Голицын приглашал известных артистов,

---

* Это была большая комната, 4 огромных окна которой выходили на набережную Фонтанки. Направо и налево от двери в коридор, стояли шкапы; за их стеклами виднелись разные приборы для уроков физики или химии, для опытов на них. В глубине зала на стене висел портрет Императрицы Екатерины II и гравюра, изображавшая принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Посреди зала стоял почти всегда рояль для аккомпанемента во время вечерних репетиций институтского хора, которым дирижировал (для пения светского) Константин Константинович фон Бах (потомок знаменитого композитора). А церковным хором управляли или наши солистки-регентши или, в редких случаях, приглашался Архангельский (композитор духовных песнопений), чтобы управлять духовными церковными концертами или налаживать трио и квартеты для служб в нашей церкви с архиереем или Антонием, Митрополитом С. Петербургским и Ладожским.

также писателей и поэтов. Благодаря ему мы наслаждались пением Медеи Фигнер, Кузнецовой, Тартакова, Собинова, Лабинского, хлопали старушке Стрельской, Варламову, П. Самойлову и другим знаменитостям. Из писателей помню Мережковского, Немировича-Данченко, князя Барятинского. Как-то, по инициативе кн. Голицына, выступал у нас известный балалаечник Андреев; также "сказитель" из крестьян, одетый в русскую вышитую рубаху и широкие шаровары. Аккомпанируя себе на старинных гуслях, он говорил речитативом русские былины или рассказывал народную сказку. Мы очень ценили подобные развлечения; они служили темой для бесконечных разговоров в дортуарах, когда полагалось бы спать, за что нам влетало от дежурной (ночной) классной дамы.

Когда у нас бывали балы: один 24-го ноября старого стиля в день Св. Вел. Екатерины, второй – весной, в честь наших выпускных – то князь Голицын открывал бал, делая тур первого вальса с одной из старших пепиньерок.

Князь Голицын спасся чудом от зверской расправы творцов "рая на земле". Ему удалось уехать за границу. Если не ошибаюсь, он жил в Швейцарии. Когда в 1920 году были напечатаны мои первые стихи (Памяти замученных моряков), то я получила на редакцию газеты письмо от нашей дорогой Начальницы, Елены Михайловны Ершовой, приехавшей в Париж. Завязалась переписка. Она мне сообщила адрес князя Дмитрия Петровича Голицына. Я ему написала, он ответил. Вероятно, его письма остались в моем еще не разобранном архиве. Если найду – приложу к этим воспоминаниям.

Барон фон-Гойнинген-Гюне

Барон фон Гойнинген-Гюне заведовал хозяйственной частью и чаще других Опекунов посещал наш Институт. По словам прислуги "всюду совал свой нос". Это был красивый представительный старик, всегда корректный и одетый во фрак. Он интересовался всем, заходил постоянно на кухню, проверяя, что нам готовили к обеду и ужину; днем шел в наши дортуары, в сопровождении классной дамы и дежурной воспитанницы, осматривал все вплоть до умывальных кранов и шкапа, где хранились наши туалетные принадлежности, т.е. кружечки с зубными щетками, мыло, гребенки и тому подобное. Изредка являлся в классы на уроки; если задерживался, иногда присутствовал на нашей вечерней молитве, когда каждый класс, как было принято, молился у себя. У него были густые, совершенно седые волосы, тщательно "прилизанные" (по выражению институток), с ровным пробором посередине.

Вспоминается забавный случай. Мы были во 2-ом классе. Моей близкой, закадычной подругой была Тата (Наталия) Зеест, дочь Конюшенного офицера, заведовавшего всеми придворными конюшнями. Она была очень бойкая, смелая.

Как-то у нас возник в классе спор о том, свои ли волосы у Гойнинген-Гюне, или это парик? Но как такое определить? Тата вызвалась "узнать и доказать", мы держали пари на дюжину пирожных: если бы ей удалось доказать, что у барона (как она утверждала) свои волосы, то выигрыш доставался бы ей. И вот Гойнинген-Гюне, как-то пришел в наш класс на вечернюю молитву. Зеест заняла место сзади него; дежурная начала читать молитву. Внезапно, Тата вытянула руку к затылку барона; он тотчас удивленно обернулся, но Тата уже успела "бухнуться" на колени и крестилась, набожно склоня голову. Догадавшись, в чем было дело, мы, давясь от беззвучного смеха, последовали ее примеру. Зажатые в кулаке Таты два седых волоска и то, что барон обернулся на ее жест, доказали нам, что она выиграла пари.

Кроме столовой, кухни, дортуаров и классов, фон Гойнинген-Гюне "совал нос" и в лазареты, обыкновенный и так называе-

Барон фон-Гойнинген-Гюне.

мый "заразный" (где лежали или поправлялись институтки во время эпидемий – кори, свинки, ветряной оспы и т.п.). Он осведомлялся о состоянии здоровья больных и всегда оставался доволен порядком и безукоризненной чистотой.

Кроме трех перечисленных Почетных Опекунов, я смутно помню высокого пожилого военного в мундире Кавалергардского полка, который приходил в церковь на парадные службы: это был Андрей Васильевич Пантелеев. Еще был Почетный Опекун Булгарин, который впоследствии (после окончания мною Института) заменил барона фон Гойнинген-Гюне.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА "СВЕТ И ТЕНИ"

(Некоторые страницы я посвятила нашему Институту; они выписаны и составлены по моему дневнику от 1909 года)

... Выпускные экзамены пепиньерок прошли блестяще. Последний был по сравнительному языковедению; отвечали отлично, почти все получили высший балл. После своего экзамена, каждый из профессоров говорил задушевную речь, напутствуя к новой жизни, прощался "за руку", давал и выслушивал добрые пожелания. По случаю окончания курса, Батюшка служил молебен, сказал краткую речь и благословил.

Выпускным в Институте была предоставлена полная свобода. Младшие классы разъехались на летние каникулы; месяц май перевалил за вторую половину, институтский сад зазеленел, желтели одуванчики, нежно пахло весной – стояла теплая погода.

Институтки почти весь день проводили в саду; те, которые не занимались теннисом, крокетом, гигантскими шагами, не качались на качелях, – гуляли, сидели на скамейках, набросив на плечи легкие казенные шали, некоторые читали. Старшие классы, пепиньерки, воспитанницы, которым некуда было ехать на каникулы, – сироты или те, семьи которых жили в дальних краях – все были вместе, ходили обнявшись за талию даже с "синявками", из классных дам превратившихся в старших подруг, и вели с ними долгие беседы.

Вдоль сада тянулась высокая длинная каменная стена, за ней шумела и плескалась городская жизнь. На веранде иногда появлялась горничная, вызывая какую-нибудь барышню в "примерочную". Это была одна из комнат на верхнем коридоре, где стояли длинные столы и висело большое зеркало, были два манекена и швейная машина. Называлась "примерочной" оттого, что

там институткам примеряли платья и казенные манто, когда приезжали осенью с летних каникул, – или появлялись "новенькие", всем надо было дать форменную одежду. Туда же разрешалось приходить портнихам, примерявшим платья тем, которые на каникулы ехали домой.

Большим развлечением было ходить осматривать Институт. Впервые выпускные могли посетить подвальное помещение, где жили сторожа с семьями, полотеры, ламповщики, истопники, повара, прачки. Широкие окна выходили в институтский сад; в обширных комнатах бегали ребятишки, которых в зимний период никто не видел.

Прислуга приветливо встречала барышень, те – ласкали и целовали детей, дарили им лакомства. Ребятишки глядели как зверята, исподлобья, пятились, но быстро проникались доверием и бежали за институтками в сад. Их катали на гигантских шагах, качали на качелях, ходили с ними по аллеям, играли и развлекали, взбирались на небольшой холмик, бывший в саду, прозванный "горкой".

Конечно, пошли осмотреть и чердак, заполненный декорациями для спектаклей, ненужной мебелью, допотопными портретами, гравюрами, вышедшими из употребления пюпитрами, и там даже стояла лодка с веслами. Институтки ходили по чердаку, чихали от пыли, визжали, когда пробегала мышь, играли в прятки, залезли в лодку (причем перевернули ее), разыгрывали какие-то сценки среди старых декораций, хохотали без умолку, пугали друг друга воображаемыми привидениями, – словом, платили дань своей юности.

К ночи, в дортуаре – не спалось. Садились группами на одну из кроватей и не могли наговориться. Строили планы будущего, делились предположениями.

"Жизнь разбрасывает нас в разные стороны", – сказала старшая из педагогичек (ей было 19 лет), пользовавшаяся известным авторитетом среди подруг. "Дорогие мои, возможно, что никогда не придется нам больше встретиться. Я, вот, очень далеко уеду от вас. Конечно, будем писать друг другу, но обычно переписка не долго продолжается, – да и нас захватит новая жизнь. Давайте дадим обещание сохранить память о нашем Институте,

остаться верными его заветам, постараемся поддержать и развить в себе ВСЕ ХОРОШЕЕ, что мы от него получили. Нас тут холили, оберегали от зла, дали отличное воспитание и образование. Нам старались внушить идеалы добра, справедливости и красоты. Оглянитесь назад: каждая из нас может сказать, что Институт не дал ничего плохого, а много хорошего. Что бы ни делалось – предполагалось для нашей пользы. Недостатки? Конечно были, но стоит ли останавливаться на них, тем более, что положительное – добро – превышает. Ну, так вот, дадим же обещание остаться верными нашим старым институтским традициям и институтскому духовному началу. Если у нас будут дочери, мы отдадим их только в НАШ Институт... согласны?

Растроганные молодые девушки соглашались с ней. Им всем хотелось на волю, но сердце сжималось при мысли навсегда расстаться с Институтом и с подругами, с которыми столько лет делили и радости, и огорчения.

О НАШИХ СЛУГАХ

Считаю своим долгом сказать несколько слов о тех, кто служил нам в Спб. Екатерининском Институте. Больше всего мы имели контакта с горничными, которых у нас называли "девушками".

Они с младенчества воспитывались в Сиротских домах Мариинского Ведомства; когда достигали возраста 16-17 лет, их помещали служанками в Институты.

Они получали жалованье и носили форму: у нас – голубые в белую полоску холстинковые платья, при белой пелеринке и переднике. Жили в здании Института, спали в отведенных для них комнатах или при дортуарах воспитанниц. Некоторые жили в подвальном помещении, при банях, прачешных и других службах. Все они подчинялись старшим горничным, служившим в Институте по 25 лет и больше, получавших, кроме жалованья, пенсию от кассы капитала Ордена Св. Вел. Екатерины. Девушки исполняли институтские службы, исключая тяжелые, т.е. стирки, мойки окон, чистки уборных, топки печей, натиранья паркетов, что делала мужская прислуга, а для стирки нанимали прачек "с воли".

Девушки разделялись на "дортуарных", "столовых", "классных", "лазаретных".

Хорошо помню старшую из них – Анну Васильевну – жившую в так называемой "примерочной" комнате, в верхнем коридоре, с окнами, выходящими в сад.

За ширмой стояла кровать с многочисленными подушками

и образами в изголовьи. На стенах – фотографии окончивших (очевидно, любимых ею) институток. Посреди комнаты длинный стол; в глубине – большое зеркало. Здесь мы имели право примерять "вольные" платья, шившиеся домашней портнихой, которые она приносила в сопровождении какой-либо нашей родственницы. Платье шилось для каникул: рождественских, пасхальных и летних. Надо оговориться: в наших дортуарах никаких зеркал не полагалось. Поэтому воспитанницы старших классов иногда забегали к Аннушке повертеться и прихорошиться перед зеркалом, она нам ласково улыбалась, выглядывая в коридор, "не идет ли классная дама?" Мы Анну Васильевну уважали и любили.

Иногда случалось, что классные дамы (если было спешно) посылали своих воспитанниц к Аннушке "перечесываться", например, перед церковной службой, или когда кто-либо из высокопоставленных лиц приезжал в Институт. Я всегда бывала в таких случаях "клиенткой" у Анны Васильевны: мои густые вьющиеся волосы непослушно выбивались из-под обручика и окружали ореолом голову. Старшая горничная как-то умела справляться с моими волосами, она их тщательно укладывала, но при этом ворчала: "Только от дела отрывают; да нечто возможно этакие вихры гладкими сделать? Только ребенка мучают".

Служа в Институте больше 25 лет, она пользовалась авторитетом не только среди подчиненной ей прислуги, но и среди воспитанниц. Малышам говорила "ты", бранила за шалости, и они ее слушались больше, чем своих классных дам. А старшие доверяли ей свои "тайны", а иной раз спрашивали совета.

Кроме Анны Васильевны была другая пожилая женщина, Амалия Егоровна, заведовавшая девушками в нижнем коридоре. Она имела право распоряжаться их отпусками, давать разрешение ходить в театр Народного Дома. Под ее начальством работали в бельевой, починяли белье, складывали его в шкапы или разносили по субботам в дортуары воспитанниц.

Хорошее воспоминание осталось о нашей "пепиньерской Пашеньке". Уже далеко не молодая девушка, с гладко зачесанными седеющими волосами, всегда тихая, спокойная, державшая себя с большим достоинством. Она была в курсе наших событий и пере-

живаний, звала нас по именам "барышня Надя", "барышня Таня" и т.д. У меня сохранилась старая пожелтевшая фотография, где Пашенька снята в институтском саду вместе с Катей Меньшиковой, бывшей со мной на старшем педагогическом курсе. Приходя вечером в дортуар, чтобы ложиться спать, мы шутили с Пашей, обучали ее французскому языку, упрощая некоторые слова. Например, чтобы погасить электричество, говорили "Пашет, туше ля ламп" – это походило на русское "тушить лампу" и сразу усвоилось ею.

Наши институтские служанки часто привязывались к той или иной воспитаннице, вероятно чувствуя к ней особую симпатию. Охотно и безвозмездно исполняли все ее поручения; часто это продолжалось до окончания барышней Института. Иногда – если позволяли материальные средства – она брала после выпуска эту горничную к себе, предварительно спрося позволения начальства.

Во многих русских домах жили такие служанки и слуги, верные, преданные, любящие, жившие интересами господ, у которых служили. Кроме жалованья, им платили доверием, уважением, заботой. К старости обеспечивали покой, оставляя у себя до самой их кончины.

Из наших слуг могу назвать лакея Ивана (он у меня описан в рассказе "Григорий Васильевич"), няню Варвару Степановну и экономку, умерших в глубокой старости в имении мужа старшей сестры. По рассказам моего покойного мужа, знаю его любимого лакея татарина Омера и камердинера его отца (Петра Арсеньевича Смирнова) – Сигорского; также главного наездника при скаковой конюшне В.П. Смирнова, сошедшего с ума, когда варвары красноармейцы по приказу ГПУ ворвались в "конюшни буржуя" и подрезали сухожилия ног премированных рысаков... Также слышала много хорошего о верном денщике моего второго мужа, служившем ему на 1-ой войне и спасшем его от гибели во время гражданской борьбы белых и красных. Все они описаны в моих напечатанных рассказах.

Многие служанки, особенно няни, последовали за своими

господами в беженство, разделяя их нужду и горести, помогая им. Надеюсь, удастся мне написать о трех характерных случаях, свидетельницей которых я была.

После этого отступления, продолжаю воспоминания о нашей институтской прислуге. Горничная, избравшая себе, по симпатии, какую-либо барышню, помимо причитающихся ей по службе обязанностей, служила ей, исполняя любые поручения вне Института, так как горничные пользовались относительной свободой, имели свой выходной день и позволения делать покупки в городе. Она носила письма воспитанницы к родным, иной раз к "кузену", и ответы от них. Это, конечно, держалось в секрете. Начальство не придавало значения дружественным отношениям между прислугой и воспитанницами, не поощряло их, но и не остерегалось, зная, что это носило невинный характер.

Припоминаю необычайный случай: у нас в Институте была горничная, взятая, по обычаю, из Воспитательного Сиротского Дома. Служила при лазарете, и была прозвана "лазаретная Ксюша". И вот, однажды, явились ее родители и забрали девушку, которой в то время было, вероятно, лет 17. Она оказалась их внебрачным ребенком. Мать, чтобы скрыть свой "позор" (это случилось в конце 19-го века, когда нравы были иные, чем теперь), – решила подкинуть девочку в один из казенных Сиротских домов. Но взаимная любовь согрешивших оказалась выше предрассудков. Через несколько лет родители покинутого ребенка вновь встретились и поженились. Муж имел баронский титул, мать была из бедной мещанской семьи. Теперь у них были не только титул, но средства и положение в обществе. Стали искать свою внебрачную дочь. Им удалось узнать, что она служит горничной в С.-Петербургском Екатерининском Институте. Родители взяли ее оттуда, удочерили, дали соответствующее воспитание и образование; подав прошенис на Высочайшее Имя, получили разрешение дать девушке баронский титул.

Событие это, в свое время, с быстротой молнии облетело наш Институт и служило темой разговоров, с оттенком симпатии к родителям и хорошими пожеланиями для их дочери. Самое интересное то, что баронесса – бывшая "лазаретная Ксюша", – не забыла своих прежних однокашниц по Сиротскому Дому, служанок-подружек в Екатерининском Институте. Она часто навещала их, привозила подарки и лакомства.

Что касается мужской прислуги в нашем Институте, я напишу менее подробно, так как с ними мы имели меньше контакта, чем с женской.

У нас служили так называемые "сторожа". Их, вероятно, тоже брали из Сиротских казенных домов для мальчиков. Они исполняли работу при кухне, служили рассыльными, ламповщиками, истопниками, полотерами, разносили почту по Институту. Подвал здания был заполнен семьями служащих с их детьми и женами, но мы их редко видели.

Помню старого солдата Александра, высокого, бравого, который служил у нас много лет, до самой революции, верой и правдой. Он имел звание "помощника швейцара" и заведовал порядком в нашей домашней церкви. Его грудь украшало множество медалей.

Хорошо помню Леонтия, одного из тех служащих, которые помогали переставлять рояли для концерта, отодвигая их вглубь залы для приемов родных или балов; мыли огромные зеркальные окна, чистили люстры, следили за отоплением, помогали на кухне и тому подобное.

Леонтия мы видели чаще других, так как он всегда присутствовал на уроках физики, помогая расставлять приборы для учителя, или, за ненадобностью, убирая их в шкап; он же опускал шторы на окнах белой залы, где происходили приемы родных, концерты, балы, спектакли, утренние молитвы, уроки танцев, гимнастики и последний торжественный экзамен выпускных.

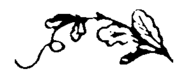
Этот сторож остался в памяти и по одному трагическому случаю: как-то, около огромного портрета Вдов. Императрицы Марии Федоровны, на стоячем канделябре случилось замыкание электрического тока. Провода внезапно вспыхнули и показался огонь. Случайно вошедший в залу Леонтий увидел пламя и, пока подоспела помощь, успел потушить огонь, однако бедняга получил сильные ожоги ног и не мог ни встать, ни ходить. Пришлось спешно отправить его в больницу.

О пожаре и самопожертвовании пострадавшего Леонтия институтки были осведомлены начальством.

Выйдя из больницы, Леонтий получил от них значительную сумму – около 15 000 рублей, и не знал, как выразить свою благодарность. Это случилось в 1905 году.

Леонтий прослужил в Институте много лет и, прихрамывая вследствие ожогов, продолжал свою службу до самой революции.

Там за окном легко танцует снег
И шопот вкрадчивый задорной зимней вьюги,
А я зову ушедшее навек,
И думаю о вас, мои подруги!

Мерцает звездный блеск в морозной мгле,
И мне мерещится вдруг шелест пелеринок,
камлота шорох, платьев жесткий плен
и мягкий скрип прюнелевых ботинок.

Во внешний мир захлопнутая дверь,
Мечты и сны в прохладных дортуарах,
И радостный завет: "Ты в идеалы верь",
У каждой девочки, шагавшей в парах.

О, эти девочки – с шнуровкой на спине,
С зачесанной назад и гладкою прической,
С передником у всех, всех по одной длине,
От пола ровно так идущею полоской...

Я вспоминаю вас, и на душе тепло,
А в сердце боль и трепет сладко-острый,
О том, что было и навек ушло –
О вас, мои подруги, мои сестры!

И вереница лет и дней тех и минут,
Далекой юности манящие картины –
Навеки в памяти. И мил мне Институт
Наш, – Ордена Святой Екатерины.

К.Ч.

Стихи были присланы мне нашей бывшей институткой. Подписаны буквами, так как ее родные живут в СССР. (Т.С.М.)

БЕЛЫЙ ЗАЛ

Это был огромный двухсветный зал, в стиле ампир, украшенный колоннами, за которыми на стене (против окон, выходящих на набережную Фонтанки), висели мраморные доски с вырезанными на них именами воспитанниц, награжденных шифрами * и золотыми или серебряными медалями, – с основания Института в 1798 году и до конца его существования в 1917 или 1918 году.

В зале было две двери: одна в конце его, выходившая на площадку лестницы, по которой мы, из коридора, спускались в столовую и поднимались из швейцарской наши родственники (приходящие на приемы по четвергам и воскресениям). Вторая дверь вела в физический зал.

В белом зале было два портрета: Императрицы Марии Федоровны, супруги Императора Павла I, основавшей наш Институт. Она была изображена сидящей возле стола, державшей в руке перо, подписывающей бумагу об основании нашего "Училища Ордена Св. Вел. Екатерины". (Официальное название Института), по образцу учрежденного Императрицей Екатериной II в 1764 г. Смольного Института.

Императрица Мария Федоровна была одета на портрете в пышный наряд; голову украшала маленькая корона. К сожалению, не помню имени художника.

Напротив, в конце зала, был портрет Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны (супруги Императора Александра III), бывшей нашей Высочайшей Покровительницей. Художник Крамской изобразил ее во весь рост, в красном бархатном платье; опушенный соболем трен оборачивался около ног. Ласково смотрели выразительные темные глаза. Голова украшалась бриллиантовой диадемой, на шее было длинное ожерелье крупного жемчуга.

---

* Шифр представлял собой массивный золотой вензель М.Ф. и был на банте из плотной муаровой ленты, красной с белой полоской.

Белый зал. Концерт на четырех роялях. Дирижирует К.К. фон-Бах.

Портрет этот занимал большое пространство между двумя колоннами; стоял на пьедестале с двумя ступенями и закрывал большое место, где во время балов помещался военный оркестр, присылаемый каким-либо из Гвардейских полков. Это же было излюбленное место, куда забирались институтки, прячась от надзора классных дам, – болтая вздор, читая не во-время, или обдумывая шалости. Дежурным воспитанницам поручалось следить, чтобы никто не сидел за портретом, но в большинстве случаев они делали вид, будто не замечают, что кто-то находится там. Иной раз классные дамы "вылавливали" оттуда шалуний, делали им выговор, а дежурные тоже получали нагоняй. Портрет был в большой золоченой раме с короной наверху. Внизу, на мраморной доске была надпись золотыми буквами:

"ДАР ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ УЧИЛИЩУ ОРДЕНА СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ В ДЕНЬ СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ 14-го ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА".

В зале между колоннами (они были вокруг всего зала) стояли белые с золотом скамейки, крытые красной плотной материей, с ручками по бокам.

У каждой колонны помещался высокий стоячий канделябр. На потолке висели пять огромных люстр с хрустальными подвесками. Справа от двери, ведущей в физический зал, стояли за колоннами рояли и стулья. Рояли, по мере надобности, выдвигались на середину зала – для концертов, а стулья расставлялись для родственников воспитанниц, приходивших на приемы.

Над дверью в физический зал было окно (в Институте было 2 этажа). Из него прислуга смотрела на наши балы или спектакли, и слушала концерты.

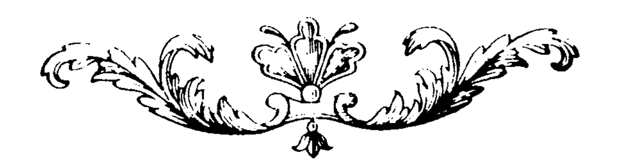
В глубине зала, за колонной помещались аппараты для врачебный гимнастики. В зале происходили уроки танцев, простой гимнастики, разные репетиции и спектакли (причем устраивалась небольшая сцена с занавесом), а весной имели место экзамены выпускных 1-го класса.

Там же выступали на эстраде приглашаемые артисты Императорских театров или писатели и поэты, а также давались сеансы кинематографа.

Ежедневно в зале читались утренние молитвы в присутствии всех воспитанниц с их классными дамами и с стоявшей впереди инспектрисой.

Нечего и говорить о том, что белый зал содержался в образцовом порядке под наблюдением одного из старших, так называемых, "сторожей" (бывшие военные, заслуженные солдаты).

Паркет натирался полотерами, до такого блеска, что можно было видеть свое отражение.

СТОЛОВАЯ

Столовая представляла собой большое помещение в нижнем этаже. В Институте было электричество, но в 1909 году столовая еще освещалась газовыми рожками. Окна выходили в наш сад. С площадки внутренней лестницы была дверь, через которую утром, к завтраку и к ужину входили воспитанницы с классными дамами. Стоя у всех на виду, регентша 1-го класса давала тон для молитвы "Очи всех на Тя, Господи, уповают", после чего все садились за длинные столы, на деревянные без спинок скамейки. В глубине открывались вторые двери из буфетной, появлялись горничные, неся дымящиеся блюда. Каждая подавала своему столу, около которого сидели воспитанницы одного из семи классов, друг против друга. Их классная дама занимала место впереди, так, чтобы ей были видны ее подопечные*.

Блюдо ставилось посреди стола между двумя сидящими напротив институтками; они раскладывали порции, передавая направо и налево тарелки. Горничная ждала, чтобы унести пустое блюдо; иногда ее просили принести из кухни прибавку. Кушанье в Институте было незатейливым, но хорошо приготовленное, меню (по будням) состояло из супа, жаркого с гарниром и сладкого; на ужин полагалось два блюда. В большие праздники, или в Царские дни меню было "парадное" – т.е. бульон с пирожком; полрябчика с гарниром и брусничным вареньем, на десерт – моро-

---

*Порядок еды: утром в 8 ч. по будням чай с молоком; по праздникам шоколад. Пили из фаянсовых кружек белых с русским гербом. В 12 часов – завтрак, в 7 вечера – ужин.

женое. В торжественные дни мужская прислуга приносила подносы с бокалами шампанского. Начальница, сидевшая за столом 1-го класса, взяв бокал, выходила на середину столовой, а институтки вставали. Она провозглашала тост или за Институт (в день Храмового праздника), или в честь Императора, или нашей Высочайшей Покровительницы – Вд. Импер. Марии Федоровны. После тоста громко говорила: "Ура!" – весело подхватываемое воспитанницами. После этого пели гимн и "Многая лета". Инспектрисы, классные дамы, пепиньерки и дежурные 2-х старших классов подходили к Начальнице и чокались с ней. Остальным в столовой полагалось не шампанское, а рюмка хорошего белого (вероятно, Удельного Ведомства) вина. По окончании завтрака или ужина пели молитву "Благодарим Тебя, Христе Боже наш", после чего все направлялись к выходу. Первыми – пепиньерки, их стол был крайний от двери, за ними – старшие воспитанницы, средние классы и, наконец, младшие "седьмушки" (9-10 лет). Некоторые из них еще играли в куклы. У них были туго заплетенные косички и роговые обручики.

НАШ САД

Здание Института выходило парадным подъездом на набережную Фонтанки, а противоположной стороной в сад, тянувшийся вдоль Литейного проспекта против Мариинской больницы. В начале века там еще ходила конка; над стеной, ограждающей сад, нам была видна ее вышка, куда нарочно садились наши "кузены" и, в часы прогулки, махали нам сверху кадетскими, студенческими, юнкерскими и иными фуражками.

Для С. Петербурга сад был большой, с густыми аллеями, – в нем одновременно гуляло больше 400 воспитанниц, выходивших с широкого крыльца, возле которого был крытый балкон с креслами и стульями. Справа виднелась длинная широкая площадка, где зимой устраивали каток, а весной играли в теннис. Влево от крыльца была оранжерея.

В круглой ограде с памятной мраморной доской рос посреди сада исторический дуб, посаженный в 1798 году Императрицей Марией Федоровной, основавшей наш Институт.

В саду было несколько качелей, гигантские шаги, площадка для крокета и "горка", т.е. холмик с 20-ю ступенями; наверху была площадка, окруженная решеткой, и врытые в землю скамейки.

Когда наступало тепло, мы все свободное время гуляли и резвились в саду, увлекаясь разными играми. Зимой же нас развлекал лишь каток; качели, гигантские шаги и прочее куда-то убирались. По аллеям клали деревянные мостки, мы ходили парами, по классам в сопровождении дежурных дам. Запрещалось сойти в снег, который лежал пушистым слоем по обе стороны расчищенных для нас мостков. Прогулки были скучны, однообразны,

В саду на "горке". Надя Меньшикова и ниже – наша пепиньерская горничная Пашенька.

мы развлекались лишь разговорами, и не без удовольствия возвращались в натопленное здание Института.

Приблизительно в 1906-7 году, на Царской охоте в Беловежской Пуще, один из Великих Князей убил лося и распорядился привезти его в подарок нашему Институту. Огромное мохнатое животное с большими плоскими рогами лежало тушей возле оранжереи; нас водили смотреть этого лося, а после, на кухне из него готовили вкусное блюдо и подавали нам как прибавку к обычному обеду.

В сад выходили окна наших классных комнат, столовой, полуподвального этажа, а также окошечки так называемых "селлюлек", т.е. небольших комнат, где мы учились и упражнялись в музыке.

Сад оставил по себе приятное воспоминание – там был всегда чудный воздух от множества зелени, деревьев; помню одну березу со скривленным стволом, в глубине у стены. Береза еще существует – в 1975 году мне привезли ее фотографию, снятую знакомыми, ездившими в СССР.

Так как сад был большой, то в начале XX века был поднят вопрос о том, чтобы сократить его и отдать часть городу, для какой-то постройки, но к счастью этого не случилось, и мы продолжали пользоваться им в нетронутом виде.

После рокового 17-го года здание Института было превращено в библиотеку и музей, а сад – в общественный сквер.

НАША ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ

Вход в церковь был из среднего коридора, недалеко от парадной лестницы. В ней помещались все 400 воспитанниц и начальство. Направо от двери был свечной шкапик, за которым во время служб стоял наш Староста; при мне, до 1909-го года, это был Баженов.

Четыре колонны серого мрамора подпирали балкон, где во время богослужений стояла наша прислуга. Между колоннами и дверью было большое расстояние; там помещались приходившие в торжественные дни наши бывшие институтки, служащие лазарета, эконом, экономка, инспектор, преподаватели и Матушка.

Церковь была облицована серым мрамором; в алтаре были красивые резные "Царские" врата. Около стен, с каждой стороны амвона, было по клиросу для хоров 1-го и 2-го классов.

На почетном месте стоял прекрасный образ Св. Вел. Екатерины; при торжественных богослужениях его всегда украшал пышный венок из живых цветов.

Как во всех русских церквах, были хоругви, плащеница, висели на цепочках разноцветные лампады перед образами.

От Царских Врат до входной двери был разостлан ковер – красный во время обычных служб, а при торжественных – голубой, с коричневыми цветами, вышитый институтками во время уроков рукоделия. Ковры разделяли церковь на две половины: слева стояли 3 старших класса и пепиньерки, справа – 3 младших класса.

Возле Алтаря была комната, в которой во время Великого Поста мы исповедывались у нашего священника, отца Тихомирова. Он был довольно молодой и имел мальчика-сынишку, прозванного нами "Голубиное Чадо". Наши хоры пели на клиросах под управлением своих регентш.

ОКОНЧАНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Заканчивая мои воспоминания о Спб. Екатерининском Институте, – изложенные отдельными статьями, часть которых были напечатаны в зарубежной печати, – хочу написать мое личное мнение, не сомневаясь в том, что его разделят не только оставшиеся мои однокашницы, но и бывшие воспитанницы наших РУССКИХ столичных и провинциальных Институтов.

В моих воспоминаниях встречаются некоторые повторения; частью они были написаны немного лет спустя после окончания Института; сохранился и мой дневник от 1907 года, где многое выведено чернилами на пожелтевших страницах ученической тетради. Затем я писала, с промежутками, в беженстве, – от 1918 до 1979 гг. Моя память еще сохранилась; когда я вообще что-либо пишу – будь то стихи, рассказы, статьи, повести, романы, воспоминания, – я все переживаю, ощущаю, вижу, как наяву; впечатление – будто передо мной расстилается живая картина, или смотрю фильм. Вижу действующих лиц, слышу их голоса, даже смутно чувствую запахи. Например, вспоминая прием родных, приходивших навестить нас по четвергам и воскресениям (от 2-х до 4-х час. дня), ощущаю запах духов в белой зале. Тогда в ходу были духи Герлена, Коти и Убигана. Нам запрещали душиться, но те, кто приходили к нам – следовали моде. И вот этот тонкий, смешанный запах духов – еще остался в моем ощущении.

Знакомясь с моими воспоминаниями, скептики найдут, что я описываю лишь все хорошее в Институте, но что, конечно, были и недостатки. Возможно, – но незначительные; были бы серьезные, я написала бы о них без стеснения.

Мы жили в Институте как бы "коммуной", но не марксо-ленинской, а дружной семьей. Была разумная дисциплина, применялась нужная строгость, было уважение к начальству, теплый контакт со служащими.

В Институте заботились о нашей нравственности, о нашем здоровье моральном и физическом: прививали понятия о добре, снисходительности, верности долгу и дружбе; развивали чувство красоты в искусстве, литературе, музыке, живописи, но одновременно подготовляли и к практической жизни вне Института. Окончив его, многие из нас должны были работать, – гувернантками, учительницами; служили в разных конторах, учреждениях, секретаршами или компаньонками у частных лиц.

Сравнивая с тем, что творится в теперешних школах, я благодарю Бога, что ничего подобного у нас не было, например, порча казенного имущества; Конечно, бывали у нас минусы, например – практиковался "извод" нелюбимых преподавателей или классных дам, в чем мы особенно изощрялись; рисовали на них карикатуры, давали меткие прозвища.

Порой, мы устраивали "забастовки", сговаривались не отвечать кому-либо из учителей или учительниц, или даже не готовить им уроки.

Однажды мы забастовали в столовой: нам на сладкое стали слишком часто подавать клюквенный кисель. Мы перестали его есть, а за одним из обедов отправили все миски с киселем к столу 1-го класса, который, вместе с экономкой, составлял меню на всю неделю. На это происшествие было обращено внимание начальства, которое велело кисель заменять другим десертом.

Воспитанницы придерживались некоторых "собственных" правил: так, у нас считалось позором "фискалить", то есть доносить начальству, жаловаться классной даме друг на друга, или на кого-либо из прислуживавших. Поступавшие в Институт "новенькие" нарушали иногда эти правила, но их быстро заставляли подчиниться нашей традиции.

Наказания в Институте применялись редко – ограничивались выговорами или замечаниями, ставили в журнал низкий балл за поведение. Почти никогда провинности не доводились до сведения Начальницы; виновную журила старшая инспектриса, и этого было достаточно.

Строгим наказанием было задержать на два дня в Институте

при отпусках на рождественские, пасхальные или летние каникулы. Наказывались те, у которых очередной балл за поведение, при 12-ти балльной системе, не доходил до 9-ти. Получившие его, "задержанные", скучали и даже плакали в течение двух дней в опустевшем Институте, тогда как их подруги наслаждались отпуском в своих семьях. Лично я часто бывала "задержана", так как была изрядной шалуньей.

Помню одно из строгих, выдающихся наказаний. Ему подверглась одна из воспитанниц 5-го класса – ей было лет 12-13. У ее старшей сестры родился сын. При известии, что у нее есть племянник, тетушка загорелась желанием увидеть малыша. Но нельзя было принести его в Институт – дети до 6-ти лет не допускались на наши приемы. Родные уверяли девочку, что она увидит племянника на рождественские каникулы, обещали, что его дадут ей подержать, когда будут крестить, но... до Рождества оставалось почти полтора месяца, целая вечность! И вот, Оля задумала отлучиться из Института, чтобы увидеть малютку. В один из будничных дней она как-то выскользнула из главного подъезда, не замеченная швейцаром; возможно, что ей помог кто-либо из сочувствующей прислуги, или подруги по классу? Кто его знает, но факт тот, что она явилась домой в институтской шубке, в форменном платье, Приехав на извозчике, взбежала по лестнице на 2-ой этаж. Извозчик ожидал у подъезда – у девочки нечем было ему заплатить.

Ребенка ей показали, но на том же извозчике отвезли обратно в Институт, где ее недолгое отсутствие произвело невероятный переполох...

В то время нашей Начальницей была Елена Михайловна Ершова – справедливая и снисходительная. Олю М., за ее проступок, не исключили из Института, но приговорили к суровому наказанию: до самого Рождества она была лишена свободного времени и приемов родных. В свободные часы должна была учить уроки, и за дурное поведение ее задержали на два дня, отпуская на Рождественские каникулы.

Помню, как в большую переменку, когда мы шли развле-

каться в белый зал, мы видели около стола заплаканную девочку, уткнувшуюся в разложенные перед ней учебники и тетрадки. Это была наказанная и "выставленная напоказ" Оля М., с которой никому не позволялось разговаривать. Кто были сообщниками ее бегства из Института, выяснить не удалось, несмотря на тщательные расспросы начальства... "Павлик Морозов" тогда еще не существовал.

В нашей однообразной жизни посещения Института кем-либо из лиц Царствовавшего Дома бывали радостным событием. Наша Высочайшая Покровительница, Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, пожилая и часто хворавшая, иногда навещала нас. Государь Николай II и Александра Федоровна бывали редко. Их ожидаемый приезд иногда отменялся из-за какой-либо вспыхнувшей эпидемии детских болезней, или по плохому состоянию здоровья Наследника.

Против эпидемий в Институте принимались немедленные меры: дезинфектировалось все огромное здание; первый из заразившихся классов точас отделяли, прекращая контакт с остальными. Для дифтерита, скарлатины, кори, свинки, ветряной оспы, имелся так называемый "заразной" лазарет, расположенный на самом краю здания.

Кажется, будто попасть в "заразной" лазарет было неприятно, болезненно и нежелательно, однако – когда мне было лет 13-14 (переходный возраст, преподносящий разные сюрпризы), среди второй четверти учебного года на Институт обрушилась эпидемия свинки. Как полагается, была произведена обычная дезинфекция, и во всех классах читались лекции о гигиене и о предохранительных мерах. Воспитанницам внушали, чтобы они, при малейших признаках болезни тотчас шли в лазарет показаться фельдшерицам.

В моем 4-ом классе заболело несколько девочек, в их числе и моя ближайшая подруга. Перед тем, как ей идти в лазарет, мы с ней отправились в известное конспиративное место, где горячо расцеловались, а я тщательно потерлась щекой о распухшие места ее шейки. Хотелось... заразиться! Причины были уважительные:

Т. Смирнова и Н. Зеест.

1) Не надо было бы готовить скучные уроки (я была способна, но ленива)

2) Мы с подругой очутились бы снова вместе,

3) В лазарете можно читать хоть целый день без передышки,

4) В "заразном" приёмы родных бывали ежедневно; ко мне, несомненно, будет приходить сестра, учившаяся на Высших Женский курсах.

Все эти предположения подростка (каким я была в то время) сбылись: я заразилась и попала в соответствующий лазарет.

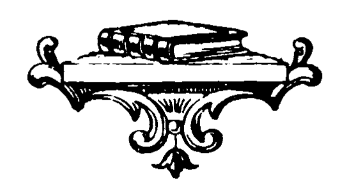
* * *

Доказательством того, что в Институте обращалось исключительное внимание на наше физическое состояние и развитие, служит тот факт, что за 9 лет, проведенных мною в Институте, не могу припомнить ни одного случая перелома у воспитанниц рук или ног. Однако, зимой мы катались на коньках в саду, там же весной бегали на гигантских шагах, играли в теннис, качались на всевозможных качелях; на переменках бегали и резвились в белом зале, где всегда был сильно натертый паркет, – могли бы, падая, сломать ногу, руку, плечо, но при мне этого не произошло. Смертельных случаев от болезней в этот период было 3-4; усопших отпевал наш институтский хор в домашней церкви.

Два раза в год – осенью, когда мы приезжали с летних каникул, и среди учебного года, бывали обязательные докторские осмотры, продолжавшиеся 2-3 дня, надо было больше 400 воспитанниц взвесить, определить рост, выслушать легкие, смерить температуру, осмотреть горло. Делали нам и нужные прививки; кому требовалось – прописывалась особая врачебная гимнастика; при заболевании ушей, глаз, приглашался врач-специалист. Полагаю, что девочки, учащиеся в гимназиях, живущие в семьях, не всегда имели возможность пользоваться таким образцовым уходом за собой.

Прошло много лет, но и сейчас, к концу моей жизни, я благословляю наш Институт и говорю: "Какое счастие, что все это было наяву, а не воображение, и не приснилось во сне".

ИЗ ПРИСЛАННЫХ МНЕ ВОСПОМИНАНИЙ
от наших бывших институток

ВОСПОМИНАНИЯ воспитанницы Спб. Екатерининского Института Елизаветы Кровяковой (по мужу Реготун)

В 1898 году мы праздновали столетие основания нашего Института.

Я была тогда в 7-ом классе.

Утром была парадная служба с архиереем. После торжественного богослужения и молебна Св. Вел. Екатерине был парадный обед в нашей институтской столовой. Присутствовала наша Начальница Мария Николаевна фон-Бюнтинг, Инспектрисы г-жа Малова, княгиня Гагарина и инспектор классов, фамилии не помню. Все они разместились между старшими институтками и пепиньерками.

После обеда М.Н. Бюнтинг произнесла тост за Царскую Семью и нашу Покровительницу, Вдовствующую Императрицу Марию Федоровну. Мы пропели гимн и многая лета. Старшие ученицы получили по бокалу шампанского, а мы по рюмке вина.

К этому дню мы долго подготовлялись. Учитель танцев Игнатьев сочинил танец Роз. Нам сделали прелестные костюмы из гофрированной бумаги, цвета крем, чайного, бледно-розового и красного, украшенные зелеными листьями. На голове были опрокинутые розы со стебельком вверх, того же цвета зеленые чулочки и балетные туфельки. Танец был немудреный, состоял в хождении полонезным па, хоровода и т.п., до заключительной картины. Игнатьев стоял за колоннами и дирижировал, очевидно боялся, чтобы мы не сбились.

На этом вечере присутствовали Государь и Государыня, Императрица Мария Федоровна. Весь штат учителей, бывшие институтки.

Первоклассницы поставили французский спектакль, названия не помню, но одеты они были гейшами и обстановка сооруженного театра была японская с лампионами и веерами.

После спектакля Царская Семья уехала.

На ужин дали чай, сладкие пирожки, бутерброды с ветчиной и сыром, и каждая получила по коробочке шоколадных конфет с портретом Государя.

После был бал, который кончился очень поздно.

По случаю юбилея мы имели три свободных от занятий дня.

Институтские стихи, приложенные г-жей Реготун

ПРИЕМ

В четверг и воскресенье
городским прием открыт.
Кто желает видеть "пленниц"
может сделать им визит.

Но приехать только могут
родственники и друзья,
молодых людей знакомых –
принимать никак нельзя.

После этого запрета
как ни странно а ву дир (вам сказать)
смотришь: справа – два кадета,
слева – пажеский мундир.

А за ними шпоры, шпаги
а порой и кортик моряка!

После каждого приема,
"Ки этэ се жен гарсон" (кто был тот молодой человек?)
А девица, с скромным видом:
"Сэ л'ами де ла мэзон" (это друг дома).

Дорогая Т.А., как я Вам писала в свое время, я начала свою школьную жизнь в нашем Екатерининском Институте в Петрограде, а затем уж пришлось закончить в Югославии в городе "Великая Кикинда Бахат" при Начальнице Наталии Корнельевне Эрдели, которая поставила учебное заведение на большую высоту и, будучи сама смольной институткой, ввела те же традиции; форма – ежедневная – черные пелеринки, праздничные – белые. Цвет платьев приблизительно тот же зеленый, бордо – вот только фиолетового не было. Институт был под покровительством Королевы Марии. Конечно, возможностей было меньше, да и состав воспитательниц был уже не тот, но нам не забыть их, так как они вложили в наши юные души все, что было возможно хорошего и дали нам возможность сохранить любовь к родине и уважение к ее прошлому.

... Еще раз благодарю Вас, моя дорогая Таня, за Ваш далекий привет.

Ваша Надя Субботина (в Институте Надя Неелова).

Март 1979 г.

Дорогая Татьяна Александровна,

Я получила письмо от Нины Данишевской – она пишет, что Вы собираете материал о нашем Екатерининском Институте, и просит меня дать Вам сведения о нашем Опекуне Андрее Васильевиче Пантелееве (он был моим дедушкой). К сожалению, мало что могу сообщить: в детстве не интересовалась, а потом не подумала спросить!

Знаю, что был кавалергардом, потом камергером или шталмейстером (не помню). Знаю, что участвовал в войне болгаро-турецкой, за что в старости имел пенсию от Болгарского правительства. Когда стало невозможным получать деньги во Франции, уехал (с бабушкой) в Болгарию, где умер в 1938 (или в 1939) году. Вот все, что могу Вам сообщить – к сожалению немного, если что-нибудь вспомню, я напишу.

Нина пишет, что имеет фотокопию диплома, подписанную

”Родзянко” – это моя пра-пра-бабушка (бабушка моей бабушки Пантелеевой, рожденной Родзянко) – о ней я совсем ничего не знаю, даже как ее звали.

Шлю сердечный привет.

А. Филиппова.

Из письма С. Михалевского, который меня не знал лично, написал мне письмо на редакцию ”Русской Мысли” из Америки в Париж.

11 августа 1973 г.

... Чтение Вашей статьи в ”Русской Мысли” от 9-го августа, как и предыдущей от 23 ноября 1972 г., доставило мне большое удовольствие, за которое Вас искренно благодарю. Обе так хорошо, интересно написаны, и так будут ценны в будущем для правдивого описания незабвенного прошлого. М. быть, Вы писали раньше и другие статьи (о постановке учебного дела, о персонале славного Екатерининского Института). Но я тогда их не читал, т.к. только последние три года стал подписчиком ”Русской Мысли”. А как важно все это записать для будущих поколений нашей несчастной родины, чтоб могли они отдать должное нашей бывшей России.

23-го июля я послал Нине Констант. Данишевской фотокопию с нот вашей ”Прощальной Песни” воспитанниц Екатерининского Института муз. Глинки, которую нашел в Музыкальном Отделе (Библиотеки Конгресса).

Моя незабвенная мать (урожденная Кандиба) кончила Спб. Екатерининский Институт, как и ее две старшие сестры. Это было давно, в доброе старое время.

(Примите и т.д.). Остаюсь уважающий Вас

С. Михалевский.

С.-Петербургский Екатерининский Институт

Копия письма моей классной дамы (написанное мне в Ниццу), Елены Михайловны Нечаевой, которая вела наш класс в течение 4-х лет, начиная с 4-го параллельного, до выпускного (1-го), т.е. с 1904 по 1907 год.

Пятница, 15/28 ноября 1913 года.

Моя дорогая Танечка,

Ваше письмо получила, и очень довольна его тоном и содержанием: видно живется хорошо и уютно среди красивой природы и в обществе ваших друзей. Рада, что все так хорошо устроилось для Вас. Зима в хорошем климате укрепит Ваше здоровье. Это есть наилучший капитал в жизни.

У нас была теплая, дождливая осень, с 8-ю градусами тепла; всего 2-3 дня температура спустилась до 2-х градусов мороза без снега.

Все мои друзья вернулись на зимние квартиры, пришлось повидать всех, что взяло порядочно времени. Моя double vie очень полна: в дежурный день я поглощена corps et âme моими девчоночками, (4-ый нормальный класс), а в свободные дни занята изучением английского языка, чтением вслух научных книг, очередной обширной перепиской на английском языке с англичанами и обязательными посещениями лекций в Опекунском Совете, устраиваемых для классных дам столичных Институтов по психологии, гигиене, уходу за нервными детьми. Была на двух лекциях, нахожу их примитивными, каждая из нас на своем веку прошла гораздо больше, да и практики больше имеем.

На Рождество выписываю к себе мою сестру из Ряжска, и на свободе на праздниках буду ее пилотировать в Петербурге по театрам.

В Институте с 6-го сентября открыто новое здание – гимнастический зал, рукодельня, физический кабинет и рисовальный класс, а также 5-6 новых селлюлек, составляют его прелестное помещение. Много света, прекрасное отопление, нарядное электрическое освещение; дети бегают на уроки во все часы учебного

дня. За весь семестр у нас была ветренная оспа и случай скарлатины, но не прервал обычного течения институтской жизни. Бал будет 1-го или 6-го декабря, а 15-го концерт.

В это воскресение 17-го состоится обручение Липы Степановой* с Азанчевским, а в январе свадьба, наконец-то! К добру ли все это? Но это их дело. Тата** собирается провести рождественские праздники в Петербурге.

Вот, пока и все мои новости. Варвара Михайловна*** Вам очень кланяется, а я нежно целую.

(Подпись: Е. НЕЧАЕВА).

Елена Михайловна Нечаева была классной дамой в С. Петербургском Екатерининском Институте. В 1908 или в 1909 году (точно не помню) был скромно отпразднован 25-ти летний юбилей ее службы в нашем Институте. Мы – ее бывшие воспитанницы (Тата Зеест и я были тогда пепиньерками) – в складчину преподнесли ей беличью шубку и букет роз. По просьбе воспитанниц, я сказала ей от всех нас приветствие и поздравление. Она была растрогана до слез. Когда она вела нас (с 4-го по 1-ый класс), в свое так называемое "французское" дежурство (дежурство через день с немецким), мы, как это было принято, дали ей прозвище, а именно "Благородный Холодильник". Не могу сказать, чтобы ее особенно любили, но уважали и слушались. Елена Михайловна была очень справедлива и не мелочна. Она никогда на нас не жаловалась начальству, а когда случались шалости, требовавшие строгого выговора, она запирала двери класса и все разбирала "келейно", причем нотации были кратки, вразумительны и справедливы.

Она имела очень много терпения. Мы ее оценили только после окончания Института, особенно те, которые остались пепинь-

---

* Липа Степанова – наша одноклассница.

** Тата Зеест – моя однокашница, одноклассница (с 7-го младшего) по 1-ый старший класс, также была вместе со мной 2 года на педагогических курсах – пепиньеркой.

*** Варвара Михайловна Юренева, классная дама педагогичек, мы ее очень любили.

Villa Marina
10:VII:34г.

Танечка дорогая

приношу вамъ безконечную благодарность за неожиданный прелестный подарокъ ко дню моего рожденія (сегодня мнѣ минуло 79 л.) Я горжусь вами, вашей талантливой, многогранной душой!

«Мнѣ особенно дорогъ сегодня вашъ родной привѣтъ! вѣдь я живу воспоминаніями и въ душевной чередуются живые образы моихъ незабвенныхъ дѣвочекъ разныхъ "выпусковъ" моихъ [redacted]. особенно яркихъ! Стремлюсь давно къ вамъ и надѣюсь попаду къ. нибудь, а пока нѣжно обнимаю васъ и люблю неизмѣнно. Привѣтъ вашему мужу. Ваша старая

Факсимиле письма Е.М. Нечаевой.

ерками. Елена Михайловна часто заходила к нам, мы приглашали ее пить с нами чай, вели с ней беседы на актуальные, интересные темы; она приносила нам книги для чтения, иногда приглашала нас к себе и угощала, чем могла. У нее была уютная комната с антресолями, где помещалась ее спальня. На стенах комнаты – множество фотографий ее бывших воспитанниц. Как видно по ее письму, она со многими из них переписывалась. Называла нас (помнила!) не по фамилиям, а по именам, всегда интересовалась нашей дальнейшей жизнью и судьбой.

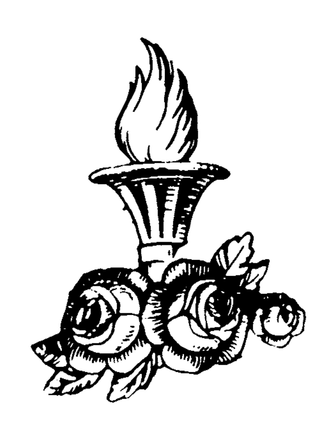
После революции она приехала в Ниццу, где ее приютила наша бывшая институтка, у которой была своя вилла. Елена Михайловна заведовала у нее хозяйством и всячески помогала своей бывшей питомице советами, вообще, была у нее принята как член семьи.

Я имела счастье встречаться с Еленой Михайловной в Ницце, где у меня в то время был комиссионный магазин. Она всегда была моей желанной гостьей.

Елена Михайловна Нечаева кончила трагически.

В двухэтажной вилле, где она жила, делали пристройку. Елена Михайловна нечаянно открыла дверь, выходящую на пустое пространство, и упала вниз. Это случилось в 30-х годах нашего столетия. Ее подняли без сознания. Пожилая женщина не могла вынести нескольких переломов костей, и вскоре скончалась.

Мир праху ее!

Письмо, присланное в беженстве
б. Начальницей Спб. Екатерининского Института
бывшей воспитаннице – Т. Макшеевой
(копия с подлинника).

24 января 1920 года.

8, авеню Шарль Флоке,
7 аррондисмент, Париж.

Милая Таня,

Пишу Вам несколько слов, в надежде, в уверенности даже, что Вам будет приятно получить привет, который напомнит Вам прежнее, безвозвратное время. Я прочла Ваше стихотворение в "России" и сохраняю его.

Присылаемые Вами №№ французской газеты (я не помню ее названия), я передавала в свое время в Музей Института. Что сталось с ним – не знаю. Те слухи, которые доходят изредка про Институт, так ужасны, что больно даже о том вспоминать.

Напишите мне про себя: не правда ли, ведь начало войны застало Вас уже за границей, и этим самым Вы избегли и ужасов революции. Но я не сомневаюсь, что и во Франции Вы старались принести насколько возможно посильную помощь нашим соотечественникам. Знаете ли Вы, кто еще из наших воспитанниц находится во Франции и где?

Про себя скажу, что момент революции застал меня в Крыму, где я была в отпуску после серьезной болезни. Я тогда решила совсем покинуть службу. Моя замужняя дочь с мужем и сыном приехали к нам туда и там остались до марта прошлого года, когда одновременно с Императрицей и доехали до Англии, а совсем недавно сюда переселились. Наша обожаемая Императрица* показала столько стойкости, спокойствия, вообще и столько внимания в частности ко всем обездоленным!

Пересылаю это письмо через редакцию. Если Вас интересует,

---

* Речь идет о Вдовствующей Императрице Марии Федоровне, Матери Императора Николая II.

8 avenue Charles Floquet
7ème Arrond. Paris
24 Янв. 1920

Милая Маня

Пишу вам несколько слов и не [illegible], въ уверенности, даже что вам будетъ приятно получить привет, котор. напомнитъ вам прежнее, безвозвратное время. Я прочла ваше стихотворение въ „России" и сохраняю присылаемые вами №№ франц. газеты (я не помню названия). Я не передавала все время въ музей Толстого — что стало съ ними не знаю. Те слухи котор. доходят из Ясной про Толст. так ужасны, что больно даже о них вспоминать. Помните меня у себя — неправда ли, вы всех... все это уже за границей и

могу написать подробнее обо всем, о чем Вы спросите. Буду ждать Вашего ответа с нетерпением, и шлю Вам мой дружеский, искренний привет.

Елена ЕРШОВА

(На полях). Вы всегда в Ницце или здесь? Если здесь, то я была бы очень рада Вас видеть и очень прошу зайти ко мне.

…тамъ сами въ нуждѣ и у-
жасовъ революціи. Но я со многими
ми и въ Франціи все старались
перенести на [illegible] по-
[illegible] [illegible] [illegible] соот-
вѣтственными. Знаете ли вы что
еще [illegible] [illegible] находи-
тся во Франціи и гдѣ? Пробѣжа-
[illegible] [illegible] революція за-
стала меня въ Крыму, гдѣ я была
въ отпуску послѣ серьезной бо-
лѣзни. Я тогда рѣшила совсѣмъ
покинуть службу. Мое завѣдыва-
[illegible] [illegible] и сама уѣхала
[illegible] туда и [illegible] [illegible]
остались до Марта прошлаго года
когда выѣхали одновременно съ Импе-
ратрицей и [illegible] до [illegible] и
совсѣмъ недавно сюда переселились.
Наша обожаемая Императрица до-
казала столько стойкости споко-
йствія вообще и столько [illegible] во-
[illegible], но всѣмъ обезпеченныхъ!
[illegible] [illegible] [illegible] редакцію
если васъ интересуетъ [illegible] [illegible]
подробнѣе [illegible] [illegible] [illegible]
буду ждать вашего отвѣта [illegible]
[illegible] и [illegible] [illegible]

Факсимиле письма Е.М. Ершовой.

НЕВОЗВРАТНОЕ
(Рассказ)

Пять пепиньерок – краса и гордость Екатерининского Института, сидели в своей классной комнате и занимались... не тем, чем бы следовало.

Предстояла репетиция первой четверти курса французской литературы. Объемистые Виктор Гюго, Бальзак, Жорж Санд, мадам де Сталь, Шатобриан, де Виньи и Ламартин – покоились на полках библиотечного шкапа, но ни одна из второкурсниц не дотрагивалась до них. Стрелка больших стоячих часов подходила к двум пополудни... биографии французских классиков ждали на страницах учебников; критика на них пыжилась и раздувалась грудой листков, записанная за лекциями, четким почерком лучшей ученицы, но остальные упивались Войной и Миром, читали Пинкертона, писали письма, вышивали, не помышляя о репетиции.

Хотя они были девицы способные к науке, французским языком владели свободно, однако, не мешало бы подумать о своих обязанностях, – тем более, что прошлая репетиция (сравнительного языковедения), по словам Нины Васильевны Юреневой (их классной дамы), была "сплошным недоразумением": Кузнецова даже ухитрилась получить 10 баллов, низкую отметку для воспитанницы педагогического курса. "А все оттого, что была преисполнена ленью, не шедшей к ее умным глазам и живому личику". (По мнению той же Нины Васильевны). Ее подруга – Ляля Ежова, на которую наставницы и профессора махнули рукой, длинная, худая, или носилась по Институту, или запоем читала все, что попадалось под руку; она осталась пепиньеркой больше из-за дружбы к Таше, чем по собственному желанию.

Надя Доброво – романтичная, шаткая натура. Она то зачитывалась классиками, то набрасывалась на рукоделия, или о чем-то мечтала. Последним ее увлечением были толстовские теории: Надя перестала носить корсет, не ела мяса, избегала лакомств, бледнела и дурнела.

Кися Шипова – пышка с густой белокурой косой, хорошенькая – прототип будущей хозяйки и матери. Все несложное хозяйство педагогичек добровольно лежало на ней.

Пятый экземпляр – Варя Назимова – элемент положительный и серьезный. Большого роста, грузная, солидная, она никогда не волновалась, не изумлялась, не приходила в восторг или отчаяние; не обижалась на клички "мастодонт" и "гиппопотам". По выражению подруг, она не ходила, а "выступала", не ела, а "вкушала", не слушала, а "внимала". Она записывала лекции профессоров, обрабатывая материал для общей пользы; читала лишь серьезные книги, любила философов.

Итак, эти пять пепиньерок сидели в классной комнате, где стояли шкапы, наполненные книгами; черные доски, огромный глобус со сферой металлических обручей. Со стен величаво глядели портреты русских Государей и Императриц, а стрелка на часах продолжала двигаться вперед...

– Фу, какая ерунда! – бросила Пинкертона Таша Кузнецова, – глупо, пошло до тошноты... а увлекательно! Однако, у меня даже голова разболелась.

– Садись возле меня: я как раз начала читать "Бесы" Достоевского, хочешь послушать? – предложила Ляля Ежова.

– И я сяду к вам, и я послушаю, – махая своим вязаньем, отозвалась Надя Доброво.

– Бесы – Бесами, – раздался спокойный голос Вари Назимовой. – А когда же собираетесь к репетиции готовиться?

– Вот забота? У нас еще неделя впереди! – беспечно отозвалась Таша.

– Ты уверена? А я думаю, что репетиция завтра, днем, – еще спокойнее заявила Варя.

Фраза ее прозвучала, как гром среди ясной погоды. Минута

В саду: Ел. Мих. Ершова. Стоят: слева Тата Зеест, справа Т. Макшеева. Сидят: Катя Меньшикова, Надя Добровольская. 1909 г.

изумленного молчания. Наконец, посыпались вопросы' "Ты не шутишь? Это правда? Ты не выдумываешь, Мастодончик?"

— Чего же мне врать? Спросите, если не верите, у Нины Васильевны.

— Как же это так? Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

— А вот так. Юренева давно нас предупредила, что ввиду приближения Екатерининского дня — нашего годового праздника — репетиция по французской литературе будет раньше срока на неделю, то есть 20 ноября (а сегодня 19-е). Стало быть — завтра.

Т. Макшеева, В. Касимова, К. Меньшикова, Н. Добровольская.
Сидит их классная дама В.В. Юренева.

И мы это слушали и охали но, конечно, – забыли. Я сама вспомнила только сейчас, когда увидела, открыв стол, мои записи.

Девицы заволновались. Репетиция – это вроде экзамена. На ней присутствуют не только профессора, два ассистента, но высшее начальство и кто-нибудь из Почетных Опекунов. Нельзя оскандалиться и провалиться! А с другой стороны, разве мыслимо пройти 1/4 годичного курса в 5-6 часов? Что делать?

– Мастодончик... Гиппопотамчик... выручи! Придумай что-нибудь, – обступили Назимову подруги.

– Положение такое серьезное, что давайте сообща думать, – нахмурила Варя тонкие брови. – Таша, ты что скажешь?

– Я полагаю, что надо бы пойти к Юреневой, откровенно сознаться и попросить, чтобы отложили репетицию, так как мы не сможем подготовиться.

– Конечно, если б мы не ленились, занимались бы в положенное время... – забубнила Надя.

– Не увлекались бы Пинкертоном, теориями Толстого и рукоделиями, – язвительно заметила Кися.

– Сняв голову, по волосам не плачут, – отрезала Ляля. – Не причитайте, а говорите толком: как выйти с честью из гнусного положения.

При последней фразе вошла в класс Нина Васильевна, сразу обратившая внимание на встревоженные лица своих питомиц; заподозрила что-то неладное.

– Ну, как? Готовы ли к завтрашней репетиции? – ласково осведомилась она. – Если нужно, я с удовольствием помогу вам.

Энергично подталкиваемая подругами, Назимова выступила вперед.

– У нас случилось большое несчастие, – начала она. Классная дама, страдавшая сердцем, побледнела.

– Что такое? Что случилось? – с испугом, почти прошептала она.

– Да вот... мы... забыли, что репетиция будет завтра, думали, что имеем еще неделю для подготовки и ничего не приготовили... и теперь катастрофа: не знаем, как выйти из этого положения!

Юренева из бледной стала красной и ужасно рассердилась. Закрыла двери и стала распекать своих любимиц: "Это все оттого, что я вас разбаловала! Вы пользуетесь моей добротой и... слабостью: ленитесь, распускаетесь (показала пальцем на расстегнутый Лялин воротничок), ведете себя как девчонки, глупо, – а я вообразила, что имею дело с взрослыми девушками. Надеялась на ваше благоразумие, на полученное вами воспитание, думала, без указок сами понимаете свою пользу. Оказывается, я глубоко ошиблась... Вы – пепиньерки, педагогички, – все видят в вас цвет Екатерининского Института! Ну, что же! Позорьте его вашим легкомыслием. А завтра, как нарочно, приглашен ассистентом инспектор Смольного Института. Нечего сказать, хорошая репутация создастся о нашем, Екатерининском! А все из-за вас, ленивых, ветреных девчонок! Стыдитесь..."

Пепиньерки слушали, потупя головы. Нина Васильевна не кричала и не "визжала", говорила тихо, со слезами на глазах, и этим задевала самые чувствительные струны.

– А нельзя ли отложить репетицию... хоть на денек? – робко осведомилась Кися.

– Что-о? Отложить репетицию? Нечего об этом и мечтать. Просто – нелепость, – сухо отрезала классная дама. – Ну? Что же вы стоите, как истуканы? Беритесь за книжки, учите, запоминайте, что можете. – Она повернулась, чтобы уйти, но на пороге остановилась. – А мне, – после завтрашнего позора, – придется уйти в отставку... после 24 лет безупречной службы, не дождаться моего юбилея и... передать вас более строгой воспитательнице.

Девицы мигом окружили Нину Васильевну, загородили ей выход. Таша, бывшая "любимицей из любимиц", заговорила:

– Нина Васильевна, дорогая, ей-Богу, мы подготовимся, не опозорим нашего Института и... не огорчим вас. Мы... все выучим, не волнуйтесь, не сердитесь на нас.

– Как же вы "все подготовите", когда сами сознаете, что "ни в зуб толкнуть" ничего не знаете? Да и времени нет для того, чтобы все выучить.

– Не беспокойтесь, Нина Васильевна, мы обязательно подготовимся, если, если... вы разрешите нам заниматься ночью.

– Вот это идея! – подхватили подруги, а Варя продолжала:

– Конечно, остаток сегодняшнего дня, целая ночь и несколько часов завтра, нам будет достаточно, чтобы все вызубрить.

Десять глаз впились в старую воспитательницу.

– Я подумаю. Впрочем, – я согласна. Разрешу вам заниматься в дамской учительской. А сама заменю ночную дежурную даму в нижнем коридоре, и спрошу разрешения Начальницы, чтобы позволила вам заниматься до 3-х ночи... остальное беру на свою ответственность. Только условие: заниматься тихо, не шуметь и в коридор не выскакивать.

Поблагодарив Юреневу, обещав ей все, о чем она просила, проводили ее до двери и после стали совещаться.

– Ночью мы захотим есть, нельзя же зубрить на голодный желудок, – заметила практичная Кися. – Предлагаю послать горничную Марфушу за провизией.

Все одобрили это предложение и поручили Шиповой соста-

вить список. Кися ушла в маленькую кухню (бывшую при пепиньерской квартире) распорядиться по хозяйству, а остальные выработали сообща план "подготовки спешной и безукоризненной". Варя получила руководящую роль и обещание, что ее будут слушаться. Решили, что каждая должна пройти тех авторов, которые ей менее знакомы.

– Я возьму за бока Шатобриана, Вольтера и Руссо, а ты, Кузнецова, навинтись на Ламартина, Альфреда Мюссе и на Виктора Гюго: он ужасно длинный и бесконечно писал, а у тебя память феноменальная. Кися займется снотворной мадам де Сталь и коротким Паскалем; Ляля и Надя поделят остальных по их выбору, а мелочь пройдем сообща.

Распорядившись таким образом, Назимова раздала листки своих записей. Из шкапа достали нужные книги и пособия.

Заглянувшая через полчаса классная дама улыбнулась при виде "своих девочек", усердно склоненных над учебниками. Ушла на цыпочках, успокоенная, стараясь, чтобы не заметили, что она их проверяла.

До ужина, который подавался к 7-ми (19-ти) вечера, каждая из пяти просмотрела свой урок. После занимались без перерыва еще 2 часа, а к 9-ти часам перебрались в дамскую учительскую – комнату под лестницей в нижнем коридоре, где в переменках между уроками собирался дамский учительский персонал; там был мягкий диван, висело зеркало, стояли кресла, а над круглым столом спускалась уютная зеленая лампа. В углу был очень низкий широкий шкап, на котором стояли бюсты русских писателей-классиков; их же портреты висели на стенах.

Как спокойно было заниматься в дамской учительской; издали доносился институтский шум, шарканье ног и говор воспитанниц, которые после молитвы, парами и по классам шли в свои дортуары. Потом – беготня женской прислуги и гулкие шаги сторожей, открывавших и закрывавших в рекреационном зале окна и проветривавших коридоры. После 10-ти часов началось шуршанье полотеров, старавшихся над паркетами. Наконец все замолкло: раздавался лишь шелест переворачиваемых листков и шепот Нади Доброво: заткнув уши и раскачиваясь, она зубрила хронологию.

Ляля Ежова первая взглянула на свои часики: "Медам , 10 минут третьего, я, кажется, все наизусть выучила.

– А я "Озеро" Ламартина могу продекламировать, – отозвалась Таша Кузнецова, – а как вы, Надя и Кися?

– Я-а-а... приблизительно го-о-това, – зевнула Надя.

– А я еще не справилась с критикой на Сталиху, – отозвалась Кися.

– Давай вместе разберемся, – предложила Варя. – Когда одолеем, то начнем коллективные занятия.

– Пора бы нам подкрепиться, мы так усердно занимались, что у всех животики подвело! – Ляля Ежова вскочила с намерением открыть дверцу шкапа.

– Никаких подкреплений, – запротестовала Варя. – Мы провинились и должны до конца нести наказание... знаю я вас! Начнете подкрепляться – и все французские классики из головы выскочат. Пока не пройдем всей четверти курса, пакет будет лежать в шкапу.

– Мастодонт, пощади! Ты не Варвара, а варвар! Гиппопотамчик! С голоду ты похудеешь, в обморок упадешь, а без тебя – пиши пропала репетиция! – посыпались остроты, но Варя была неумолима.

– Ну, так я пойду узнаю, что происходит в коридоре, – вскочила Ляля, но Таша схватила ее за передник: "Сиди и не выскакивай!"

– Да это какое-то принудительное заключение! У меня мурашки в ногах бегают!

– Мы дали слово Нине Васильевне и должны его сдержать, – напомнила Надя.

– Я только выгляну за дверь, – не унималась Надя и выскользнула из учительской. Через пять минут вернулась: "В коридоре стра-а-ашно, почти темно. Вдали какая-то тень. Я подумала – привидение, хотела испугаться, но это оказалось Ниной Васильевной. Закуталась в платок и дремлет на стуле под лампой".

Когда Кися (с помощью Вари) одолела "сталихины разглагольствования", началась коллективная подготовка. Сперва Варя изложила содержание своего урока: Шатобриан, Руссо и Вольтер получили в ее передаче правильный облик: биография точная, с

датами; характеристика приукрашена цветами фантазии; главные произведения – изложены вкратце. Критика на авторов хромала, но Варя пояснила: "В этой области не стесняйтесь. Запомните 2-3 имени, а критикуйте сами, применяясь к эпохе и обстоятельствам, – главное, смело и без остановок. Сомневаюсь, чтобы наши экзаменаторы знали бы все это назубок.

– Ну, наш-то профессор знает, ему не вотрешь очки!

– А наш будет молчать и сопеть. Он наблюдает за ассистентами – если заметит у кого саркастическое выражение на лице, тогда начнет придираться.

– Откуда ты знаешь?

– Мне говорили пепиньерки прошлого выпуска, – успокоила Назимова. – Ну, я кончила, Теперь, Таша, твоя очередь.

Таким образом, повторяя трудные места, подучивая хором хронику, имена и названия – прошли всю четверть курса, немного "вкратце", но знали главное. Больше всего было хлопот с Кисей, – ее щипали и смешили, чтобы не засыпала. В четвертом часу утра убедились, что к репетиции готовы, тем более, что завтра, то есть сегодня утром до часа дня есть время подучить детали и навести лоск. "А теперь давайте насыщаться. Не мучь нас больше, мастодончик", – взмолилась Ляля.

– Ну, ладно. Кися, доставай провизию, – разрешила Варя. Кися стряхнула сон, достала из шкапика объемистый пакет и развернула его. На листке бумаги крупным почерком было записано:

15 филипповских пирожков, то есть:	
5 с мясом,	
5 с грибами,	
5 с вареньем	75 копеек.
10 пирожных от Иванова	50 копеек
1 фунт чайной колбасы без чеснока	18 копеек
1 фунт ветчины	60 копеек
5 плюшек	15 копеек
1 фунт шоколада с начинкой	40 копеек
1 фунт разной пастилы	40 копеек
ИТОГО	2 р. 98 коп.
Марфуше на чай	12 коп.
ВСЕГО	3 рубля 10 коп.

то есть по 52 копейки на каждую.

Провизия была поровну распределена Кисей. Варя заворчала, что нет ни хлеба, ни масла – с чем же есть колбасу и ветчину?

– С плюшкой вкуснее, – уверила Кися, сконфуженная своей забывчивостью.

Уничтожив запасы, подкрепившись, услыхали мудрый совет:

– Теперь пора бы и спать. Но о сне никто не думал. Было необычно, с разрешения начальства, провести ночь без сна, безнаказанно нарушая строго размеренную институтскую жизнь. "Какой же теперь сон? Еще есть время веселиться. Давайте устроим дивертисмент". Ляля Ежова поставила бюсты классиков на пол: "Вот вам зрители первых рядов, я вы занимайте галерку и ложу (указала на кресло и диван). Затем взобралась на шкапик, поправила на носу воображаемое пенсне и прогнусавила точь-в-точь как профессор французской литературы: "Mesdemoiselles, prenez vos billets"*, затем пропищала тоненьким голосом, подражая Юреневой: "Mr. Blanc, soyez ingulgent, elles n'ont pas dormi la nuit"**, и стала на колени.

Ежова изобразила репетицию педагогичек, перепутавших авторов. Все было мастерски разыграно под хохот и аплодисменты аудитории.

Вторым номером выступила Таша Кузнецова, декламируя свое произведение:

Не спится мне. Поправив в шторе складки
я осторожно села у окна,
а наши институтские кроватки
посеребрила полная луна.

На город смотрят окна Института –
он на столицу сотню лет глядит:
бегут года, а для него – минуты.
Он много, много видел и... молчит.

Сад институтский озарен луною;
в аллеях на дорожки пала тень,
спит древний дуб с кудрявой головою,
а рядом с ним – душистая сирень.

---

* Берите ваши билеты.

** Будьте снисходительны, они не спали ночь.

У каменной стены растет береза;
я очень с ней дружна, мы с ней "на ты",
лишь ей доверю радости и слезы
ей расскажу, о ком мои мечты!

Стихи понравились. "Ты будешь у нас поэтессой", решила Варя.

— Имя твое будет вписано в Институтскую Золотую Книгу, — накрыв голову платком, начала пророчествовать Ляля. — А Кися, — продолжала она, — побьет мировой рекорд плодородия. У нее будет 15 детей, она получит медаль и документ с подписью турецкого султана. Что же касается нашего милого мастодончика, то она еще вырастет, пополнеет...

— И ее будут показывать на балаганах, по 10 копеек за вход, — перебила Кися.

— Ничего подобного, — отпарировала "предсказательница". — Варя выйдет замуж за путешественника, три раза объедет земной шар, но в море потерпит кораблекрушение. Муж останется на дне, а волны выбросят ее на неизвестный в географии остров. Дикари примут ее за морского бога, изберут своим вождем. Она мудро будет править ими ровно сто лет.

— А моя судьба? — заинтересовалась Надя.

— Твоя записана на скрижалях. Ты поступишь на Женские Курсы, получишь диплом самой ученой женщины.

— А ты, Ляля, станешь амазонкой и отправишься в африканские джунгли охотиться на слонов и тигров, — парировала Надя.

— Ничего не имею против, а пока... — Ляля нарисовала себе карандашом усы и навела брови, — я буду инсценировать Стеньку Разина, при условии, что Кися изобразит персидскую княжну. — Ляля взобралась на шкапик, засучила рукава, скинула верхнюю и нижнюю юбки; осталась в узких белых институтских панталончиках; вместо папахи повязала голову форменным передником. Кися поместилась рядом, приняв восточную позу, т.е. закинув руки за голову. Сидевшая публика тихо пела "Из-за острова на стрежень".

Все шло благополучно, пока не настал момент бросить княжну в волны матушки-реки. Ляля старалась поднять Кисю,

Т. Смирнова в классе пепиньерок.

чтобы сбросить ее со шкапика на пол, подскочившие подруги помогали, "княжна" упиралась, наконец, завизжала.

Поднялась возня, хохот, шум.

– Тише, вы... ш-ш-ш! Хороша подготовка к репетиции! А я сидела всю ночь в корироде... нашла кому верить! Ах вы, озорницы, стыдитесь!

На пороге учительской стояла Юренева, закутанная в оренбургскую шаль.

– Взрослые девушки, педагогички... а голова лишь пустяками набита.

– Нина Васильевна, ей-Богу, мы все выучили, все, назубок, а потом захотелось развлечься и устроили дивертисмент, – слышалось со всех сторон.

Кузнецова мигом очутилась возле классной дамы, старалась занять ее; остальные сгруппировались, прикрывая Лялю, спешно преображавшуюся из Стеньки Разина в благовоспитанную институтку.

– Если все выучили, почему спать не шли? Уже начало 5-го утра. Марш в дортуар! Идите на цыпочках, молча, – если кого разбудите, оставлю без отпуска.

Девицы живо собрали свои книжки и записи, убрали остатки пира, водворили на место бюсты классиков и покинули дамскую учительскую.

Через 20 минут тихо лежали в своих кроватях. Юренева ждала на стуле; убедившись, что заснули, осенила "девочек" крестным знамением и, слегка сгорбившись, ушла в свою комнату.

У пепиньерок настроение было приподнятое: репетиция по французской литературе прошла блестяще, все пять получили высшие баллы, а присутствовавший один из Почетных Опекунов – в виде награды – прислал им ложу в Михайловский театр, где в то время подвизался отец Саши Гитри. Словом, гордые своим успехом, педагогички с нетерпением ждали годичный Храмовой праздник и завершающий его бал; считали часы и чуть ли не минуты, а Кися и Таша даже составили маленький заговор: пепиньерки имели право приглашать на бал брата, кузена или ближайшего родственника. Составлялся список, проверяемый Ниной Васильевной, после чего она выдавала именной билет.

Таша проводила свои отпуски у родственницы, где бывал "высший свет"; там услышала о красавце-кавалергарде – желанном госте раутов, журфиксов и балов. Видела его только раз – издали – на именинах у своей тети. Но когда Кися, составлявшая список кавалеров, спросила Кузнецову, "кого ты приглашаешь на бал?", та, не задумываясь, назвала упомянутого кавалергарда. "Но разве ты с ним знакома?"

– Н-нет... но было бы шикарно, если б он вдруг приехал тан-

цовать с нами. – Стали думать-гадать, судить-рядить, наконец внесли имя и фамилию кавалергарда в список, и подали Юреневой. Доверчивая классная дама, не читая, выдала просимый билет. – Ну вот, он приглашен, – сказала вернувшаяся Кися, – надо послать билет, а знаешь ли ты его адрес?

– Найду во "Всем Петербурге", – не задумываясь, ответила Таша.

– И воображаешь, что он возьмет да и приедет?

– Ну... для верности, напишу ему письмо.

– С ума сошла? Писать незнакомому мужчине?

Однако, Таша упрямо стояла на своем. Наконец, сообща было составлено следующее послание:

"Многоуважаемый (такой-то),

Пожалуйста, приезжайте на наш бал. Мы будем очень огорчены, если Вы лишите нас этого удовольствия".

С уважением Наташа К. и Ксения Ш."

До праздника Св. Вел. Екатерины оставалось два дня. Жизнь Института выбилась из колеи, царило волнующее настроение: уроки, занятия отошли на задний план. Старшие воспитанницы готовились к концерту, разучивая партии на роялях в 4, 6 и 16 рук. Были частые репетиции и спевки. Учительницы музыки и профессор фон-Бах руководили ими, помогая разучивать трудные пассажи.

Пепиньерки участия в концерте не принимали, но были заняты рисованием художественных программ, которые, при входе в зал, подносились почетным гостям, начальству и приглашенным родственникам.

Мечтали, чтобы Начальница разрешила продлить бал после 2-х ночи, гадали, "кто будет присутствовать? Какие приедут кавалеры? Кто из бывших институток?"

Здание Института, всегда отличавшееся образцовой чистотой, наводило на себя блеск сверху донизу: мыли окна, чистили дверные медные ручки, выколачивали ковры, скребли в самых укромных уголках.

Полотеры, с утроенным усердием натирали паркеты: накануне торжественного дня – по их милости – едва можно было ходить по коридорам и залам: все скользили, будто на катке по льду.

Наконец-то пришло 24 ноября! С утра Институт окунулся в предпраздничную атмосферу. Воспитанницам были выданы новые платья, башмачки, тонкие батистовые передники, рукавчики и пелеринки. В дортуарах лежали аккуратно сложенные бальные передники, обшитые кружевами. Институток разбудили на час позже – не в семь, а в восемь утра, но по привычке проснувшись рано, они, не спеша, одевались и причесывались.

Без четверти 9 дежурные вышли в коридоры звонить к молитве. Из своих комнат стали появляться классные дамы в светло-голубых шелковых платьях.

Александр – старший из мужской прислуги – в праздничном зеленом мундире с медалями на груди, оглядел широкий красный ковер, застилавший парадную лестницу от швейцарской до верхнего этажа. Убедившись, что нет ни пятен, ни складок, старик направился в церковь, где осмотрел все более чем внимательно: предстояло торжественное богослужение с Митрополитом!

Институтская церковь сияла блеском лампадок и сверкающими ризами икон, от двери до Царских Врат был постлан голубой ковер, вышитый воспитанницами теневым узором; посреди, на аналое, стоял большой образ Святой Вел. Екатерины в венке живых цветов, справа и слева – два массивных серебряных канделябра. Александр сделал земной поклон, с трудом сгибая колени, еще раз окинул инспекторским взглядом церковь и пошел в столовую.

Длинные столы были застелены чистыми скатертями; пахло шоколадом, который ждал на кухне со сладкими плюшками вместо будничного чая с булкой.

Ревизия столовой не входила в обязанности Александра, но в торжественной день годового праздника он считал своим долгом все исследовать. Будь на то позволение, он конечно сунул бы нос в дортуары, чтобы поторопить барышень, но пришлось ограничиться остановкой снующих по коридорам горничных, несущих платья и передники.

– Ишь, егоза, раньше не могла приготовить? В последнюю минуту, как угорелая, носишься?

– Да ведь это к вечеру, к балу, Александр Карпыч, – на ходу отвечали горничные и бежали дальше. Увидав дежурных барышень, он почтительно, но строго обратился к ним: "Пора, барышни, второй звонок давать!"

– Сейчас, Александр.

– Звоните, чего там... – настаивал он.

Дежурные улыбнулись старому слуге и пошли вдоль коридора, звоня в колокольчик.

К богослужению собрались рано: предстояла длинная служба с проповедью и молебном. Разделенные проходом, покрытым ковром, по обе стороны церкви стояли воспитанницы. Певчие 1-го и 2-го классов, на противуположных клиросах, заметно волновались, особенно солистки и регентши, которые (лишь только покажется митрополит) должны были дать тон для "Испола эти Деспота". В помощь старшему хору, исполнявшему сложный концерт, был приглашен Архангельский. Он выделялся черным пятном фрака среди окружавших его белых пелеринок. Царила тишина напряженного ожидания.

Впереди воспитанниц, переходя с правого на левый фланг, старшая инспектриса, княгиня Гагарина, выравнивала институток в линии. Это была высокая дама, с гладко зачесанными волосами и горбатым носом; на ее верхней губе были зачатки белокурых усиков; держалась прямо, глядела строго, говорила отрывисто, резко. Институтки дали ей прозвище "княже Гагарин" и боялись пуще огня. Княже Гагарин стояла впереди воспитанниц, выправляя линии, что было ее слабостью. Для этого брала девочку из первого ряда за плечи, фыркала носом, делая знаки стоявшим сзади, чтобы подвигались вправо или влево. Так как в церкви говорить не полагалось, то стоявшие подальше делали вид, будто не понимают знаков инспектрисы и нарочно нарушали стройность линий. Гагарина краснела от гнева, еле сдерживаясь, чтобы не разразиться "громом и молнией". Институтки лукаво переглядывались, довольные, что безнаказанно изводят грозную княже...

Последними явились в церковь пепиньерки. Они были причесаны к лицу, слегка завив волосы. Княгиня Гагарина недовольно блеснула на них стеклами пенсне, но шедшая сзади Нина Васильевна светилась доброй улыбкой, находя своих "девочек" прелестными, и делала вид, будто не заметила, что они вместо казенных башмаков надели изящные "выходные" туфельки. Эта вольность не бросалась в глаза из-за праздничных длинных платьев из легкой шерстяной материи с маленьким треном. Едва педагогички заняли свое место – вошла Начальница и стала перед стулом у левой колонны. Справа то же место занял небольшого роста пожилой сановник в камергерском мундире при орденах и звезде с широкой лентой через плечо. Появление его вызвало волнение и радостный шопот: "Георгий Петрович... Георгий Петрович приехал!"

Из-под круглых очков сановник обвел взглядом церковь; добродушная улыбка осенила его лицо. Это был Почетный Опекун Алексеев. Его появление в Институте вызывало неподдельный восторг и нарушало строгую дисциплину.

За Алексеевым стали Почетные Опекуны: фон Гойнинген-Гюне, изящный, представительный старик в безукоризненном фраке, и младший из опекунов – князь Голицын (Муравлин), интересовавшийся духовной жизнью Института. Приезжая вне уроков, он вел с воспитанницами беседы на исторические темы, доказывал, что Россия шла заодно с Западом, что ее культура не отставала (вопреки мнению иностранцев), и что ее литература стояла высоко. Иногда Голицын принимал участие в домашних институтских вечерах, и читал свои произведения.

За колоннами стали учителя, профессора, институтский персонал, служащие лазарета и пришедшие бывшие воспитанницы.

Наконец зазвенели медали Александра – он вышел из коридора, делая знак певчим. Архангельский, вытянув шею, смотрел по направлению открытой двери; едва показался в лиловой шелковой мантии Митрополит Антоний – хор стройно запел "Испола Эти Деспота". Опираясь на жезл, митрополит прошел в Царские Врата, благословляя склонявшиеся юные головки. Как только он

скрылся в алтаре, воспитанницы без помощи "Княже" Гагарина образовали стройные линии – словно вытянутые по ниточке. В таком положении они смирно простояли всю длинную обедню и молебен. Хотя и было утомительно – каждая сознавала, что на нее смотрят посторонние люди и старалась "не ударить лицом в грязь". Старшие пепиньерки держались особенно прямо – на них могло быть обращено внимание гостей. Может быть, мало кто смотрел на них, но было чувство, что обязательно кто-то критикует, а в такой день, как 24 ноября – все в Институте должно было быть безукоризненно! Недаром говорится "Екатеринки – картинки".

После молебна и проповеди пошли прикладываться к образу Св. Вел. Екатерины. Митрополит благословлял подходящих и к некоторым обращал ласковое слово.

Таша и Кися волнуются, нервничают.

Руки в розовых перчатках – слегка дрожат и холодны. Они подносят программы и встречают гостей. Шипова получила эту привилегию, как нарисовавшая много программ, а Кузнецову выбрала Елена Михайловна как отличающуюся безукоризненными манерами. Юренева получила от своих питомиц программу в виде раскрытого веера из 5-ти створок. В отверстия были вставлены карточки ее пяти "девочек" с надписью: "Дорогой Н.В. Юреневой на память о последнем бале педагогичек, выпуска 1909 года".

Старая классная дама была очень растрогана таким подарком и всем показывала этот оригинальный веер.

Концерт начался. Белая зала ярко освещена. На скамьях, между колоннами, сидят воспитанницы – каждый класс со своей дежурной дамой.

Хор старших поет "Осень" Мендельсона. За роялем аккомпанируют две институтки. Профессор музыки, в мундире Ведомства Императрицы Марии, с орденом Анны на шее, дирижирует палочкой. В глубине залы, в креслах, сидят Начальница, Почетные Опекуны, Инспектрисы и знатные гости. Сзади – цветник бывших воспитанниц в бальных платьях вперемежку с приехав-

шими на бал кавалерами. Сверкают эполеты на мундирах военных, выделяются правоведы, лицеисты, моряки, пажи. Царит приподнятое настроение. Тихим шепотом перекидываются фразами, ведут разговор мимикой и глазами. Дверь в так называемый физический зал была открыта и туда входила публика; Кузнецова и Шипова, с программами в руках, всматривались вглубь освещенного коридора.

В белом зале идет 4-ый номер концерта: солистка исполняет 9-ю симфонию Бетховена. Внезапно Таша схватила Кисину руку и впилась в нее ногтями. Кисе больно, но она молчит – поняла, в чем дело. Вдали показалась стройная фигура молодого шатена в мундире Кавалергардского полка...

– Приехал! – воскликнули подруги, а Кися, улыбаясь, щипнула Ташу у локтя.

Не обратив на них внимания, блестящий гвардеец прошел в бальный зал, обе пепиньерки, метнув друг на друга торжествующий взгляд, отдали опоздавшей паре оставшиеся две программы и пошли занять свои места за ближними колоннами. Присланный Преображенским полком оркестр начал настраивать свои инструменты.

Концерт кончился. Оркестр начинает играть вальс "Невозвратное время", но никто не решается открыть бал. Начальница обращается к князю Голицыну и что-то говорит ему. Дмитрий Петрович – самый молодой из Почетных Опекунов (ему еще не минуло 50), кивает головой и направляется к старшим пепиньеркам. По росту и комплекции, ему больше других подходит Варя Назимова – ей выпадает честь открыть с ним бал. Красная от смущения, она кладет руку на плечо князя, он неловко обнимает ее за талию, и они начинают кружиться. Таша со вздохом зависти провожает их глазами. Однако ее сзади толкают подруги. Она с досадой оборачивается, но вдруг вспыхивает: перед ней склонился в поклоне красавец-кавалергард!

– Ну же, иди, – шепчут подруги. На седьмом небе от восторга, Таша вальсирует со своим блестящим кавалером: вдыхает запах тонких духов, видит золотые галуны, а сверху на нее устремлены, как она определила, "насмешливые" глаза. Хочется что-то спросить, но не решается. "Как же вы догадались, что я пригласила вас на бал?" – наконец выдавливает она из себя.

– А вы кто – Ксения Ш. или Наталия К.?

– Я – Наталия.

– Очень благодарен за любезное приглашение, но... почему я удостоился такой чести? Откуда вы меня знаете? Даже мой адрес?

– Адрес я нашла во "Всем Петербурге", а вас видела на приеме у моей тети Веры Петровны Чиколевой в Царском Селе... вы сидели рядом с тетей...

Кавалергард весело смеется. – А вы, – неожиданно говорит он, – в глубине гостиной, за маленьким столом, вместе с ее детьми, гувернанткой и... уничтожали трубочки со сливками.

– Разве вы видели? Заметили?

– Не только заметил, но и завидовал. Вы так весело щебетали, а у нас была скука зеленая.

– А... вы... любите трубочки со сливками?

– Мм... как сказать... иногда.

– А шоколадные конфеты?

Он, не отвечая, молча смотрел на нее. Таша смутилась.

– Идите в физический зал, там приготовлено шикарное угощение. На столе, возле окон, огромный поднос с шоколадом от Крафта...

– Ну, в чем же дело? Идемте вместе?

– Н-нет... нам запрещено ходить по залам с кавалерами... можно только танцовать.

– Тогда я предпочитаю сделать с вами еще тур-два вальса, тем более, что я вскоре должен уехать. Вы не устали?

– Я? Я могу два раза наш зал вальсом обойти – правда, после голова кружится.

– А вы, мадемуазель Наталия, часто бываете у Веры Петровны?

– Каждое "через воскресение", когда нас отпускают. Не в это, а в следующее. А знаете? Вы очень милый и не такой гордый, как я думала. Но... вот и вальс кончился, как жаль.

– И мне жаль. До свидания, мадемуазель Наталия... до "через воскресение"?

Он проводил ее до ее места, почтительно поклонился и ушел.

Как ни просили воспитанницы, Начальница разрешила продлить бал всего до половины второго ночи. Оркестру был дан знак прекратить музыку.

Классные дамы с трудом собрали институток, которым не хотелось верить, что бал кончился. Их сгруппировали в глубине зала; приглашенные молодые люди столпились напротив. "Гимн! Гимн!" потребовали они. Регентша старшего класса тотчас дала тон. Все институтки пели "Боже, царя храни"; им вторили молодые мужские голоса. Выходило стройно и вдохновенно. По окончании, кричали "Ура!" Повторили Гимн четыре раза и пели бы еще, если бы Начальница не подняла руку в знак того, что хочет что-то сказать.

– От имени Екатерининского Института, благодарю всех, кто провел с нами наш Годовой праздник, – любезно обратилась она к приглашенным, давая понять, что пора расходиться. Классные дамы увели воспитанниц в столовую, где был сервирован чай с бутербродами и каждая получила коробку конфет. Молодые люди были приглашены в библиотечный зал; там их ждал холодный ужин с вином.

В дортуаре пепиньерок, перед Иконой Божией Матери горела лампада, озаряя мирным светом пять девичьих кроватей. Горничная Пашенька еще не легла, несмотря на поздний час – ждала своих барышень, горя желанием обменяться с ними впечатлениями, посудачить о бывших воспитанницах, приехавших на бал, вспомнить, как они были одеты и причесаны, кто с кем танцовал, и спросить, веселились ли ее барышни? Удовлетворив ее любопытство и наделив лакомствами, пепиньерки легли спать. Нина Васильевна, перекрестив их, ушла к себе. Вскоре все, кроме Таши Кузнецовой, заснули. Надев меховые туфельки, она, как выразилась в своих стихах, "штору подняла и села у окна". Оно выходило на Фонтанку; синела еще не замерзшая река, виднелась набережная с блистающей лентой фонарей. В предутреннем тумане бледнели их огни; легкий слой первого снега казался не белым, а розовым.

Направо высился круглый купол Цирка Чинизелли, налево – конные статуи Аничкова моста. Бронзовые великаны, напрягая мускулы, сдерживали могучих коней, равашихся в туманную даль...

Таша прижалась горячей щекой, еще не остывшей от бальных впечатлений, к холодному стеклу. Смотрела доверчиво в чуждый ей, огромный мир, расстилавшийся за окнами родного Института, где она беззаботно провела почти 9 лет...

– Что ждет меня впереди? – подумала она.

Но, ни даль туманная, ни огромный мир за пределами Института ничего не ответили на этот вопрос.

Загадочно мерцали фонари... синела река... и все молчало вокруг.

А юное сердечко, полное радостных переживаний и надежд, стучало в груди, рвалось прочь за ограду мирных старых стен.

Т.А.Смирнова-Макшеева
в эмиграции

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

О МАРКО БОГАТОМ И ВАСИЛИИ БЕССЧАСТНОМ – русская народная сказка в стихах с иллюстрациями. Издана в Эстонии в 30-х годах. 1500 экземпляров. Издание разошлось.

ТАЙНА КАЗБЕКА – Грузинская легенда 16-го века. Рифмованная проза. 2000 экземпляров. Была издана группой грузин после ее премирования на конкурсе. Париж 1947 г. Можно купить у Editeurs Réunis, 11 rue de la Montagne Ste Geneviève, Paris 75005.

ДОМОВОЙ – рассказы и стихи. Издано в Ницце. 300 экземпляров, 1960 г. Издание разошлось.

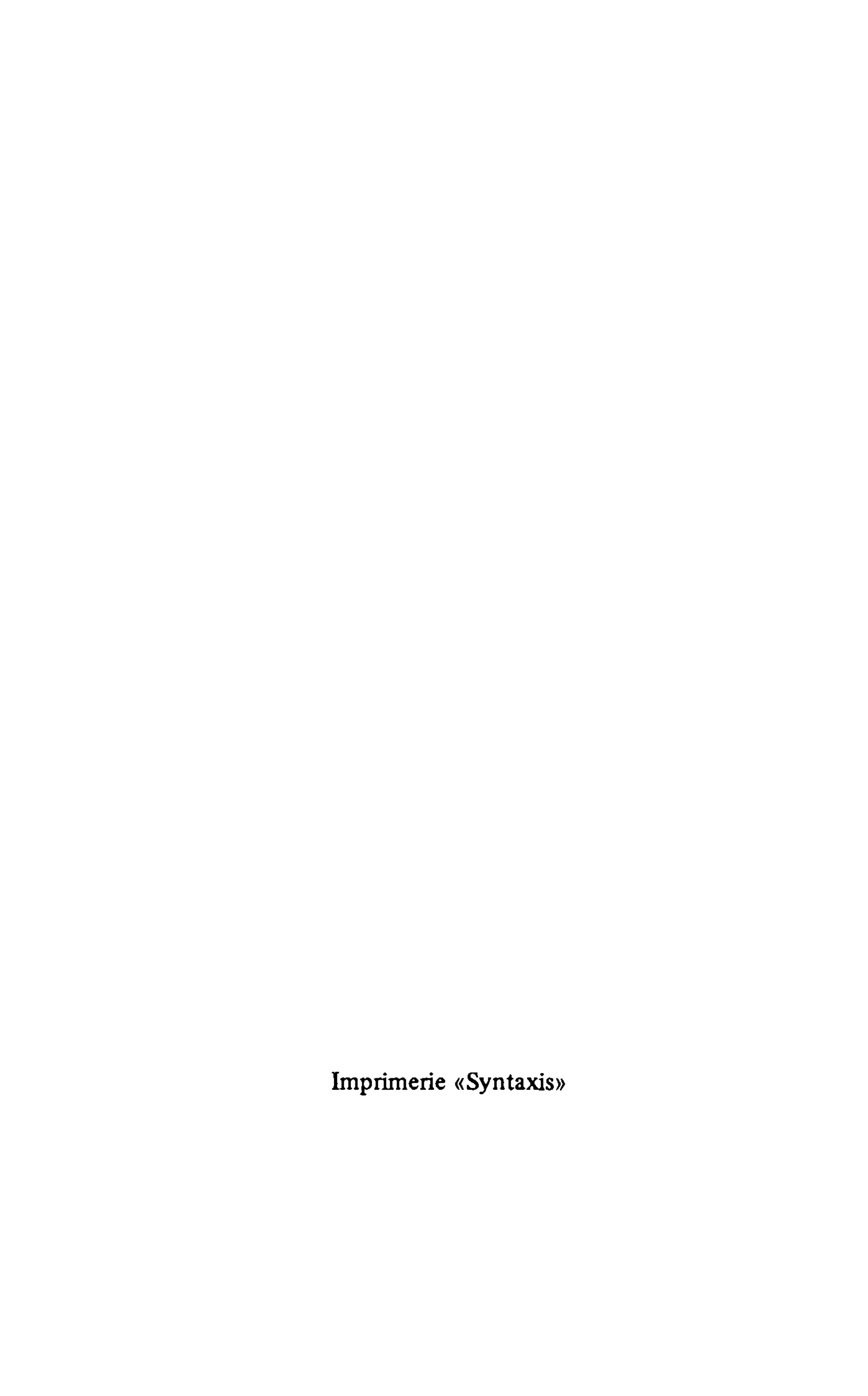
СКАЗКА О РУССКОМ СОЛДАТЕ, КРЫЛАТОМ БЕСЕ И ЦАРЕВНЕ ЕЛЕНЕ – русская сказка в стихах с иллюстрациями. 500 экземпляров. Можно купить у Neimanis Buchvertrieb, 8 München 40 Bauer Str. 28, Allemagne Fédérale.

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ – издано в Париже в 1975 г. 500 экз. Можно купить у Neimanis.

ДУШОЙ И СЕРДЦЕМ – сборник стихов. Издан в 1970 г. П. Анненским. 500 экз. Все издание разошлось.

СВЕТ И ТЕНИ – неизданный роман, печатался фельетоном в Родных Перезвонах (журнал). Описана эпоха 1912-1918 гг в России.

ВЛАСТЬ НЕУЛОВИМОГО – неизданный роман. Вторая часть. Эпоха 1919-1936 гг. во Франции.

Imprimerie «Syntaxis»

На обложке –
значок Екатерининского института.